

Аристотель

Политика

Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4 т. М.: «Мысль», 1983. Т. 4. – С. 376–644. Перевод с древнегреч. С. Жебелева.

Пять образующих “Политику” исследований на связанные между собой темы (экономика – кн. I, вопрос о наилучшем образе правления – кн. II, общая теория полиса – кн. III, реальные типы государств, причины их крушения, способы упрочения – кн. IV, V и VI, идеальное государство – кн. VII и VIII) писались, по-видимому, в разное время, систематически дорабатывались в качестве лекционных курсов и получили известную нам структуру и форму в конце последнего, афинского периода творчества Аристотеля (см. Aubonnet J. Introduction. – In: Aristote. Politique. T. I. Paris, 1968, p. CXVII). Аристотель явно хотел продолжить работу над “Политикой”, о чем говорят не осуществленные им планы (см. I 13, 1260b8–13; II 6, 1265b17; II 10, 1272a22–26; VII 5, 1326b32–36; VII 10, 1330a3–5; VII 16, 1335b2–4; VII 17, 1336b24–26; VIII 3, 1338a30–34; VIII 7, 1341b19–26). Давно замеченная (см. ниже прим. 30 к с. 644) незавершенность трактата не мешает ему быть, как писал немецкий историк философии Э. Целлер, самым важным текстом по политической науке во всей античности, и не только античности. Здесь соединились пристальное наблюдение фактов (недаром Аристотель собирал сведения о разных государственных устройствах, законодательных системах, застольных обычаях, даже о победителях всегреческих спортивных игр – см. список его произведений у Диогена Лаэртца, V 22–27), политический опыт (Аристотель был близок к македонскому царскому дому, с его помощью восстановил ок. 341 г. до н.э. разрушенную Стагиру и дал ей законы) и, наконец, представление о высшем человеческом благе, корнящееся во всей предыдущей философской традиции и в аристотелевской онтологии. Влияние “Политики” прослеживается у Цицерона (“О государстве” I 25–27; 29; “О законах” III 6, 14; “О пределах добра и зла” V 4, 11; “Письма к брату Квинту” III 5, 1), у римских и византийских юристов-кодификаторов. “Политика” явно была известна таким средневековым аристотеликам, как Боэций и Иоанн Дамаскин; в XI в. о ней пишет византийский комментатор Аристотеля Михаил Эфесский; после латинского перевода Вильгельма из Мёрбеке (ок. 1260 г.) ее комментируют Альберт Великий, Петр Овернский; усвоенные через Фому Аквинского идеи “Политики” послужили Данте для обоснования проекта всемирного государства (“О монархии”). У истоков современной политологии Ж. Боден сознательно следует аристотелевскому методу и после почти двухтысячелетнего перерыва возобновляет труд собирания сведений об устройстве и законодательствах всех известных в мире политических образований. Макиавелли, Эразм Роттердамский, Гоббс, Спиноза, Локк, Монтескье, Руссо, Кондорсе опираются на идеи Аристотеля и неоднократно цитируют его. За первым изданием “Политики” (в типографии Альдо Мануче, Венеция, 1498) последовали десятки переизданий. Большая работа по установлению текста трактата шла в XVII и XIX вв. (издания Хайнзе 1621 г., Копринга 1656 г., Шнейдера 1809 г., Беккера 1831 г., Бернайса 1872 г., критическое издание Зуземиля 1872 г., Ньюмена 1887–1902 гг.). [с.759] “Политика” десятки раз переводилась на современные языки. Полный русский перевод впервые выполнил Н. Скворцов в 1865 г. Для настоящего издания взят перевод С.А. Жебелева (М., 1911), сверенный А.И. Доватуром и в ряде мест уточненный нами.

Книга первая

(1252a) I 1. Поскольку, как мы видим, всякое

государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага (ведь всякая деятельность имеет в виду предполагаемое благо), то, очевидно, все общения стремятся (stokhadzontai) к тому или иному благу, причем больше других, (5) и к высшему из всех благ стремится то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим.

II. 3. 9. Государственный строй в его целом является не демократией и не олигархией, но средним между ними – тем, что называется политией; полноправны при ней только те, кто носит тяжелое вооружение. Если (30) законодатель устанавливает ее для государств как наиболее пригодный сравнительно с остальными видами, то это утверждение, пожалуй, правильно; но если он считает ее наилучшим после того вида, который описан им раньше, то тут он ошибается; пожалуй, всякий станет более восхвалять лакедемонское государственное устройство или

какое-нибудь иное с еще более сильным выраженным аристократическим характером.

Книга третья

(30) I 1. Исследователю видов государственного строя и присущих им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет существует разногласие; одни (35) утверждают, что то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран. В самом деле, мы видим, что вся деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство (polis), а государственное устройство (politeia) есть известная организация обитателей государства. 2. Ввиду того что (40) государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, по состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин (polites), ведь государство есть совокупность (1275a) граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. Ведь

часто мы встречаем разногласие в определении понятия гражданина: не все согласны считать гражданином одного и того же; тот, кто в демократии гражданин, (5) в олигархии часто уже не гражданин.

3. Тех, которые получили название граждан в каком-либо исключительном смысле, например принятых в число граждан, следует оставить без внимания¹. Гражданин является таковым также не в силу того, что он живет в том или ином месте: ведь и метеки² и рабы также имеют свое местожительство наряду с гражданами, а равным образом и граждане и те, кто (10) имеет право быть истцом и ответчиком, так как этим правом пользуются и иноземцы на основании заключенных с ними соглашений (таким именно правом они пользуются). Что касается метеков, то во многих местах они этого права в полном объеме не имеют, но [с.444] должны выбирать себе простата³; таким образом, они не в полной мере участвуют в этого рода общении.

(15) 4. И о детях, не достигших совершеннолетия и потому не внесенных в гражданские списки⁴, и о старцах, освобожденных от исполнения гражданских обязанностей, приходится сказать, что и те и другие – граждане лишь в относительном смысле, а не безусловно; и к первым придется прибавить “свободные от повинностей” граждане, а ко вторым – “перешедшие предельный возраст” или что-нибудь в таком роде (дело в том или ином обозначении – наша мысль и без того ясна). Мы же ставим своей задачей определить понятие гражданина в безусловном смысле этого слова, (20) в таком значении, которое не имело бы никакого недостатка, требующего исправления; иначе пришлось бы задаваться вопросами и разрешать их и по поводу лиц, утративших гражданские права, и по поводу изгнанников.

Лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти. Некоторые из должностей бывают временными: один и тот же человек либо вообще не может занимать их (25) вторично, либо может занимать, но лишь по истечении определенного времени; относительно же других ограничения во времени нет – сюда относится участие в суде и в народном собрании. 5. Однако, пожалуй, кто-нибудь заметит, что судьи и участники народного собрания не являются должностными лицами и что в силу этого они не принимают

участия в государственном управлении, хотя, с другой стороны, было бы смешно считать лишенными власти именно тех, кто выносит важнейшие решения. Но это не имеет никакого значения, (30) так как речь идет только о названии. В самом деле, общего обозначения для судей и участников народного собрания не существует; пусть эти должности и останутся без более точного определения, лишь бы были разграничены понятия. Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании. Примерно такое определение понятия гражданина лучше всего подходит ко всем тем, кто именуется гражданами.

(35) 6. Не следует упускать из виду, что для предметов, содержание которых обнаруживает видовые различия, так что один из них является первым, другой – [с.445] вторым, третий – следующим, общего признака либо не бывает вовсе, либо он имеется лишь в недостаточной степени. Между тем государственные устройства представляют собой видовые различия, и одни из них заслуживают (1275b) этого наименования в меньшей, другие – в большей степени; ведь основанные на ошибочных началах и отклоняющиеся от правильных государственные устройства неизбежно стоят ниже тех, которые свободны от этих недостатков (что мы разумеем под отклоняющимися видами, выяснится впоследствии). Таким образом, и гражданин должен быть тем или иным в зависимости от того или иного вида государственного (5) устройства. Тот гражданин, о котором сказано выше, соответствует преимущественно гражданину демократического устройства; к остальным видам государственного устройства это определение подходит может, но не обязательно. 7. При некоторых видах государственного устройства демоса нет, нет и обыкновения созывать народные собрания, за исключением чрезвычайных случаев, и судебные полномочия поделены между разными должностными лицами; так, например, в Лакедемонии различного рода гражданские (10) дела разбирает тот или иной из эфоров, уголовные – геронты, другие дела – также какие-нибудь другие должностные лица. То же самое и в Карфагене, где по всем судебным делам выносят решения определенные должностные лица. 8. Значит, наше определение понятия гражданина нуждается в поправке: при других государственных устройствах участником народного (15) собрания и судьей является не поддающееся определению должностное лицо, а лицо, наделенное определенными полномочиями: из них или всем, или некоторым предоставляется право быть членами совета и разбирать либо все судебные дела, либо некоторые из них. Что такое гражданин, отсюда ясно. О том, кто имеет участие в законосовещательной или судебной власти, мы можем утверждать, что он и является гражданином (20) данного государства. Государством же мы и называем совокупность таких граждан, достаточную, вообще говоря, для самодовлеющего существования.

9. На практике гражданином считается тот, у кого родители – и отец и мать – граждане, а не кто-либо один из них. Другие идут еще дальше в этом отношении и требуют, например, чтобы предки гражданина [с.446] во втором, третьем и даже более отдаленном колене (25) были также гражданами. Но

¹ *Принятый в число граждан* человек, пожалованный гражданин (*poietos polites*) – гражданин, ставший таковым в силу определенного законодательного акта. Пожалованные граждане не пользовались всей совокупностью прав; в Афинах, напр., они не могли быть архонтами и жрецами.

² *Метеки*, иноземные поселенцы в греческих городах, не пользовались политическими правами и выполняли определенные повинности. Положение граждан одного государства во время их проживания в другом регулировалось договорами, заключавшимися между греческими государствами. Сам Аристотель жил в Афинах в качестве метека под покровительством такого договора, заключенного между Афинами и Македонией.

³ *Простат* – выбиравшийся метеком покровитель из среды полноправных граждан, посредник между метеком и государственной властью. Необходимость избирать простата основывалась только на юридических соображениях (простат представлял метека на суде); вне юридической сферы метеки (напр., в Афинах) были вполне самостоятельны и правомочны.

⁴ В *гражданские списки* афиняне вносились по достижении ими 18-летнего возраста.

при таком необходимом в государственных целях и поспешном определении иногда возникает затруднение, как удостовериться в гражданском происхождении предка в третьем или в четвертом колене. Правда, леонтинец Горгий, отчасти, пожалуй, находясь в затруднении, отчасти иронизируя, сказал: “Подобно тому как ступки – работа изготовляющих ступки мастеров, так точно и граждане (30) Ларисы – изделия демиургов” (дело в том, что некоторые из последних были изготовителями ларис⁵). Но в сущности здесь все просто: если граждане Ларисы принимали участие, согласно данному выше определению, в государственном управлении, то они были гражданами, потому что не представляется вообще никакой возможности распространять на первых обитателей или основателей государства требование, чтобы они происходили от граждан или гражданок. 10. Требование это встречает еще большее затруднение в том случае, (35) когда кто-либо получил гражданские права благодаря изменению государственного устройства, как это сделал, например, в Афинах Клисфен после изгнания тиранов; он вписал в филы многих иноземцев и рабов-метеков⁶. По отношению к таким гражданам спорный вопрос не в том, кто из них гражданин, а в том, по праву или не по праву, хотя и при этом может (1276a) встретиться новое затруднение, а именно: если кто-либо стал гражданином не по праву, то, значит, он и не гражданин, так как несправедливое равносильно ложному. Но мы видим, что некоторые даже занимают должности не по праву, и тем не менее мы называем их должностными лицами, хотя и не по праву. Так как мы определили понятие гражданина в зависимости от отношения его к той или иной должности, а (5) именно сказали, что гражданин – тот, кто имеет доступ к такой-то должности, то занимающих должности нам явно следует считать гражданами, а по праву ли они граждане или не по праву – это стоит в связи с указанным выше спорным вопросом.

Некоторые затрудняются решить, когда то или иное действие должно быть признаваемо действием государства и когда – нет; например, при переходе олигархии (10) или тирании в демократию некоторые отказываются от исполнения обязательств, указывая на то, [с.447] что эти обязательства взяло на себя не государство, а тиран, равно как и от многого другого подобного же рода, ссылаясь на то, что некоторые виды государственного устройства существуют благодаря насилию, а не ради общей пользы. 11. Хотя бы некоторые и управлялись демократиче-

ски таким способом, все же (15) должно признавать действия, исходящие от правительства такого демократического государства, действиями государственными, равно как и действия, исходящие от правительств олигархических и тиранических государств.

Поставленный нами вопрос, по-видимому, соприкасается с трудноразрешимым вопросом такого рода: при каких обстоятельствах должно утверждать, что государство осталось тем же самым или стало не тем же (20) самым, но иным? При самом поверхностном рассмотрении это вопрос о территории и населении, ведь можно себе представить, что территория и население разъединены и одни живут на одной территории, другие на другой. Но это затруднение сравнительно простое (ввиду того что слово “государство” употребляется в разных значениях, исследование, вопроса становится (25) легким). 12. Равным образом, если люди живут на одной и той же территории, когда следует считать, что здесь единое государство? Разумеется, дело не в стенах, ведь весь Пелопоннес можно было бы окружить одной стеной. Чем-то подобным является Вавилон и всякий город, представляющий собой скорее племенной округ, нежели государственную общину: по рассказам, (30) уже три дня прошло, как Вавилон был взят, а часть жителей города ничего об этом не знала. Впрочем, рассмотрение этого вопроса полезно отложить до другого случая (государственный муж не должен оставлять без внимания и вопрос о величине государства, какова она должна быть, равно как и то, что полезнее для государства – чтобы в нем обитало одно племя или несколько). 13. Но допустим, что одна и та же территория заселена одними и теми же обитателями; (35) спрашивается: до тех пор пока обитатели ее будут одного и того же происхождения, следует ли их государство считать одним и тем же, несмотря на то что постоянно одни умирают, другие нарождаются? Не происходит ли здесь то же, что бывает с реками и источниками? Мы обыкновенно называем и реки и [с.448] источники одними и теми же именами, хотя непрерывно одна масса воды прибывает, другая убывает. Или ввиду (40) такого рода обстоятельств следует считать только (1276b) обитателей одними и теми же, а государство признавать иным? Если государство есть некое общение – а оно именно и есть политическое общение граждан, – то естественно, раз государственное устройство видоизменяется и отличается от прежнего, и государство признавать не одним и тем же; ведь различаем же мы (5) хоры – хор в комедии, хор в трагедии, хотя часто тот и другой хор состоит из одних и тех же людей. 14. Точно так же мы называем иным всякого рода общение и соединение, если видоизменяется его характер; например, тональность, состоящую из одних и тех же тонов, мы называем различно: в одном случае – (10) дорийской, в другой – фригийской. А если так, тождественность государства должна определяться главным образом применительно к его строю; давать же государству наименование иное или то же самое можно и независимо от того, населяют ли его одни и те же жители или совершенно другие. Справедливо ли при изменении государством его устрой-

⁵ Горгий (V в.) – уроженец южноиталийского города Леонтины, известный ритор и софист, читавший лекции также и в Фессалии, вероятно и в фессалийском городе Ларисе. Приводимое Аристотелем ироническое замечание Горгия о гражданах Ларисы – игра слов: Larisaioi – граждане Ларисы; larisoroioi – мастера, изготовлявшие особый вид котлов. Демиурги в Ларисе были, видимо, должностными лицами с большим кругом [с.764] полномочий, в частности они могли принимать в состав общины новых граждан.

⁶ Изгнание тиранов – 510 г. до н.э. Реформы Клисфена – 508–507 гг. до н.э. С.А. Жебелев в этом месте, следуя рукописному чтению, получает две категории лиц: 1) чужеземцы, 2) рабы-метеки (т.е. рабы, ставшие вольноотпущенниками и тем самым получившие статус метеков). Джоуэтт, вставив союз kai (и) между словами “рабов” и “метеков”, получил три категории лиц: 1) иноземцы, 2) рабы, 3) метеки.

ства не выполнять (15) обязательства или выполнять их – это вопрос иного порядка.

II 1. Непосредственно вслед за только что изложенным необходимо рассмотреть вопрос: должно ли добродетель хорошего человека и дельного гражданина признавать тождественной или нетождественной?

Впрочем, если приходится исследовать этот вопрос, нужно предварительно определить какими-нибудь общими (20) чертами добродетель гражданина. Гражданин, говорим мы, находится в таком же отношении к государству, в каком моряк на судне – к остальному экипажу. Хотя моряки на судне занимают неодинаковое положение: один из них гребет, другой правит рулем, третий состоит помощником рулевого, четвертый носит какое-либо иное соответствующее наименование, все же, очевидно, наиболее точное определение добродетели (25) каждого из них в отдельности будет подходить только к нему одному, но какое-либо общее определение будет приложимо в равной степени ко всем; ведь благополучное плавание – цель, к которой стремятся все моряки в совокупности и каждый из них в [с.449] отдельности. 2. То же самое и по отношению к гражданам: хотя они и не одинаковы, все же их задача заключается в спасении составляемого ими община, а община (30) этим является государственный строй. Поэтому и гражданская добродетель неизбежно обуславливается этим последним. А так как существует несколько видов государственного строя, то очевидно, что добродетель дельного гражданина, добродетель совершенная, не может быть одною, между тем как мы называем кого-либо хорошим человеком за совершенство в единой добродетели. Отсюда ясно, что всякий гражданин (35) может быть дельным, не обладая той добродетелью, которая делает дельным человека. 3. Можно, впрочем, прийти к тому же самому заключению иным путем, исходя из исследования вопроса о наилучшем государственном устройстве. Если возможно допустить существование государства, состоящего исключительно из дельных граждан, то каждый из них должен исполнять полагающееся ему дело хорошо, что зависит от (40) добродетели гражданина. Но так как невозможно всем (1277a) гражданам быть одинаковыми, то не может быть и одной добродетели гражданина и хорошего человека; добродетель дельного гражданина должна быть налицо у всех граждан, ибо только в таком случае государство оказывается наилучшим, но добродетелью хорошего человека не могут обладать все, если только не предполагать, (5) что все граждане в отменном государстве должны быть хорошими. 4. Далее, государство включает в себе неодинаковые элементы; подобно тому как всякий человек состоит из души и тела, а душа в свою очередь заключает в себе разум и страсти или подобно тому как семья состоит из мужчины и женщины, а собственность заключает в себе господина и раба, точно так же и государство включает в себя все это да (10) еще, сверх того, и другие, неодинаковые элементы. Отсюда неизбежный вывод: добродетель всех граждан не может быть одной, подобно тому как среди членов

хора не одинакова добродетель корифея и добродетель парастата⁷.

5. Итак, из сказанного ясно, что добродетель хорошего человека и дельного гражданина вообще не одна и та же. Но не может ли она у кого-нибудь быть таковою? (15) Ведь говорим же мы, что дельный правитель должен быть хорошим и рассудительным, а государственный [с.450] муж непременно должен быть рассудительным. Некоторые утверждают, что и воспитание правителя с самого начала должно быть иным, что бывает и на самом деле; царские сыновья обучаются верховой езде и военному искусству, как говорит и Еврипид: (20) “Не тонкости мне надобны, а то, что нужно государству”⁸, предполагая, следовательно, особое воспитание для правителя. 6. Если добродетель хорошего человека и хорошего правителя тождественны, а гражданином является и подчиненный, то добродетель гражданина и добродетель человека не могут быть совершенно тождественными, но могут быть таковыми только у определенного вида гражданина, так как у правителя и гражданина добродетель не одна и та же. И это, может быть, побудило Ясона⁹ сказать, что он голодает, (25) когда он не тиран, а это значит, что он не умеет быть честным человеком. 7. Способность властвовать и подчиняться заслуживает похвалы, и добродетель гражданина, по-видимому, и заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться. Итак, если мы положим, что добродетель хорошего мужа есть способность властвовать, а добродетель гражданина – и то и другое, то обе эти добродетели не заслуживали (30) бы одинаковой похвалы. Но так как они и на самом деле оказываются различными¹⁰ и так как властитель и подчиненный должны изучать не одно и то же, а гражданин должен уметь то и другое и быть причастным к тому и другому...¹¹ Это можно усматривать и из следующего. 8. Существует власть господина; под этой властью мы понимаем такую власть, которая проявляется относительно работ первой необходимости: правителю нет нужды уметь исполнять эти работы, (35) он, скорее, должен пользоваться ими; в противном случае положение было бы вроде рабского; я имею в виду положение, когда свободный человек исполняет работы, подобающие слугам. Мы утверждаем, что есть разные виды рабов, так как существует и много видов работ. Одну часть этих работ исполняют ремесленники, именно те, которые, как показывает и самое наименование их, (1277b) живут “от рук своих”¹²; к числу их принадлежат и мастера. Поэтому в некоторых государствах в древнее время,

⁷ Парастат – предводитель полухора, как бы ассистент корифея, предводителя всего хора.

⁸ Eur. fr. 16 (Nauck) из утраченной трагедии “Эол” (вероятно, с такими словами обращался царь Эол к своим сыновьям). Оносикрит (у Страбона XV 3, 8, 730 = F. Gr. N. II B 1, стр. 735, fr. 35) приводит следующие слова, якобы начертанные на гробнице персидского царя Дария: “Был друг друзьям; был лучший всадник и стрелок; первенствовал среди охотников; все сделать мог”.

⁹ Ясон – тиран фессалийского города Феры (IV в. до н.э.).

¹⁰ С.А. Жебелев принимает чтение Бернайса amphogetera вместо рукописного amphotera (двожкими).

¹¹ Пропуск в тексте.

¹² Ремесленники (khetnetes), жившие трудом от рук своих (apo ton kheitron).

пока там не была установлена крайняя демократия, ремесленники не имели доступа к государственным должностям. 9. Итак, ни [с.451] (5) хороший человек, ни хороший государственный муж, ни добрый гражданин не должны обучаться таким работам, которые подобают людям, предназначенным к подчинению, за исключением разве того, когда вследствие нужды приходится исполнять эти работы для самого себя; в таком случае не приходится быть то господином, то рабом. Но существует и такая власть, в силу которой человек властвует над людьми себе подобными и свободными. Эту власть мы называем властью государственной; проявлять ее правитель должен (10) научиться, пройдя сам школу подчинения; например, чтобы быть гиппархом, нужно послужить в коннице, чтобы быть стратегом, нужно послужить в строю, быть лохагом, таксиархом¹³. И совершенно правильно утверждение, что нельзя хорошо начальствовать, не научившись повиноваться. 10. Добродетель во всем этом различна; но хороший гражданин должен уметь (15) и быть способным и подчиняться и начальствовать, и добродетель гражданина заключается в умении властвовать над свободными людьми и быть подвластным. Добродетель хорошего человека также имеет в виду и то и другое. Если различны виды воздержности и справедливости у начальника и у подчиненного, но свободного человека, то, очевидно, не одна и добродетель хорошего человека, например справедливость; но (20) она распадается на несколько видов в соответствии с тем, будет ли человек властвовать или подчиняться, подобно тому как различаются воздержность и мужество мужчины и женщины: мужчина, если бы он был храбр настолько, насколько храбра мужественная женщина, показался бы трусом, а женщина, если бы она была так же скромна, как скромна добрый мужчина, показалась бы болтливой; и умение управлять хозяйством не в одном и том же сказывается у мужчины (25) и у женщины; его дело – наживать, ее – сохранять. 11. Рассудительность – вот единственная отличительная добродетель правителя; остальные добродетели являются, по-видимому, необходимым общим достоинством и подчиненных и правителей; от подчиненного нечего требовать рассудительности как добродетели, но нужно требовать лишь правильного суждения; подчиненный – это как бы мастер, делающий (30) флейты, а правитель – это флейтист, играющий на его флейте. Итак, тождественна ли добродетель хорошего [с.452] человека и дельного гражданина, или она различна, в каком отношении она тождественна и в каком различна, – ясно из предыдущего.

III 1. Остается еще одно затруднение в определении понятия гражданина: является ли гражданином действительно только тот, кому можно принимать участие (35) в управлении, или же гражданами нужно считать также и ремесленников? Если следует считать гражданами также и тех, кто не имеет доступа к должностям, то, выходит, добродетель начальствующего не может быть свойственна всякому граж-

данину, потому что в указанном случае гражданином оказывается и этот. А если ни один из таковых не является гражданином, то спрашивается, к какому же разряду населения должен быть отнесен каждый. Разумеется, он не метек и не иноземец. Или мы должны признать, (1278a) что из создавшегося таким образом положения не вытекает ничего нелепого, так как ведь ни рабы, ни вольноотпущенники ни в каком случае не причисляются к указанным. 2. Совершенно справедливо, что не должно считать гражданами всех тех, без кого не может обойтись государство, потому что и дети – граждане не в том смысле, в каком граждане – взрослые; последние – (5) граждане в полном смысле, первые – условно: они граждане несовершеннолетние. В древние времена у некоторых ремесленниками были рабы или чужестранцы, почему и в настоящее время большинство их именно таково. Но наилучшее государство не даст ремесленнику гражданских прав; если же и он – гражданин, то нужно признать, что та гражданская добродетель, (10) о которой речь была выше, подходит не ко всем, даже не ко всем свободнорожденным, но только к тем, кто избавлен от работ, необходимых для насущного пропитания. 3. Те, кто исполняет подобного рода работы для одного человека, – рабы, на общую пользу – ремесленники и поденщики. Отсюда ясно, как обстоит с ними дело, и уже то, что было ранее сказано, (15) освещает весь вопрос. А именно, поскольку существует несколько видов государственного устройства, должно существовать и несколько разновидностей гражданина, преимущественно подчиненного гражданина, и, таким образом, при одном виде государственного устройства необходимо считать гражданами [с.453] ремесленников и поденщиков, при другом это невозможно, например при так называемой аристократии, где почетные (20) должности даются только в зависимости от добродетели и по достоинству; ведь невозможно человеку, ведущему жизнь ремесленника или поденщика, упражняться в добродетели. 4. В олигархиях поденщику нельзя быть гражданином (там доступ к должностям обусловлен большим имущественным цензом), а ремесленнику (25) можно, так как многие ремесленники богатеют от своего ремесла. В Фивах был закон: кто в течение десяти лет не воздерживался от рыночной торговли, тот не имел права занимать государственную должность. Напротив, во многих государствах закон допускает в число граждан и иноземцев; так, в некоторых демократиях гражданин и тот, у кого только мать – гражданка; тот же самый порядок наблюдается у многих (30) по отношению к незаконнорожденным. 5. Тем не менее, хотя вследствие недостатка в законных гражданах делают гражданами таких людей (закон позволяет делать это по причине малонаселенности государства), с увеличением народонаселения все-таки постепенно устраняются сначала родившиеся от раба или рабыни, затем родившиеся от женщин-гражданок, так что в конце концов гражданами становятся лишь родившиеся (35) от обоих родителей-граждан. 6. Итак, из сказанного ясно, что существует несколько разновидностей гражданина; ясно также и то, что гражданином по преимуществу является тот, кто обладает совокупностью гражданских прав; и у

¹³ *Гиппарх* – начальник конницы, *стратег* – предводитель пехоты войск. *Лохаг* – командир небольшого отряда пехоты (лоха). *Таксиарх* – командир более или менее крупного подразделения пехоты.

Гомера сказано: “Как будто бы был я скиталец презренный”¹⁴, ибо тот, кто не обладает совокупностью гражданских прав¹⁵, подобен метеку. Где такого рода отношения затушеваны, там это делается с целью ввести в заблуждение (40) тех, кто имеет в государстве свое местожительство.

Итак, из сказанного ясно, должно ли считать добродетель, (1278b) отличающую хорошего человека и дельного гражданина, различной или тождественной; в одном государстве понятия хорошего человека и дельного гражданина сливаются, в другом – различаются; да и в первом случае не всякий хороший человек в то же время является гражданином, но гражданин только тот, кто стоит в известном отношении к государственной жизни, кто имеет или может иметь полномочия [с.454] в деле попечения о государственных делах или единолично, (5) или вместе с другими.

IV 1. После сделанных разъяснений следует рассмотреть, должно ли допустить существование одного вида государственного устройства или нескольких, и если их имеется несколько, то каковы они, сколько их и в чем их отличия.

Государственное устройство (politeia) – это распорядок в области организации государственных должностей (10) вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления (politeuma), а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки (15) зрения мы будем судить и об остальном.

2. Следует предпослать вопрос: для какой цели возникло государство и сколько видов имеет власть, управляющая человеком в его общественной жизни? Уже в начале наших рассуждений, при разъяснении вопроса о домохозяйстве и власти господина в семье, было указано, что человек по природе своей есть существо (20) политическое, в силу чего даже те люди, которые несколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству.

3. Впрочем, к этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни (zen kalos); это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности. Люди объединяются и ради самой жизни, (25) скрепляя государственное обще-

ние: ведь, пожалуй, и жизнь, взятая исключительно как таковая, содержит частицу прекрасного, исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы. Ясно, что большинство людей готово претерпевать множество страданий из привязанности к жизни, так как в ней (30) самой по себе заключается некое благоденствие и естественная сладость.

4. Нетрудно различить так называемые разновидности власти; о них мы неоднократно рассуждали и в [с.455] эзотерических сочинениях¹⁶. Власть господина над рабом, хотя одно и то же полезно и для прирожденного раба, и для прирожденного господина, все-таки имеет (35) в виду главным образом пользу господина, для раба же она полезна привходящим образом (если гибнет раб, власть господина над ним, очевидно, должна прекратиться). 5. Власть же над детьми, над женой и над всем домом, называемая нами вообще властью домохозяйственной, имеет в виду либо благо подвластных, (40) либо совместно благо обеих сторон, но по сути дела (1279a) благо подвластных, как мы наблюдаем и в остальных искусствах, например в медицине и гимнастике, которые случайно могут служить и благу самих обладающих этими искусствами. Ведь ничто не мешает педотрибу¹⁷ иногда и самому принять участие в гимнастических упражнениях, равно как и кормчий всегда (5) является и одним из моряков. И педотриб или кормчий имеет в виду благо подвластных ему, но когда он сам становится одним из них, то случайно и он получает долю пользы: кормчий оказывается моряком, педотриб – одним из занимающихся гимнастическими упражнениями. 6. Поэтому и относительно государственных должностей – там, где государство основано на (10) началах равноправия и равенства граждан, – выступает притязание на то, чтобы править по очереди. Это притязание первоначально имело естественные основания; требовалось, чтобы государственные повинности исполнялись поочередно, и каждый желал, чтобы, подобно тому как он сам, находясь ранее у власти, заботился о пользе другого, так и этот другой в свою очередь имел в виду его пользу. В настоящее время из-за выгод, связанных с общественным делом и нахождением (15) у власти, все желают непрерывно обладать ею, как если бы те, кто стоит у власти, пользовались постоянным цветущим здоровьем, невзирая на свою болезненность; потому что тогда также стали бы стремиться к должностям. 7. Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только (20) благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей. [с.456]

¹⁴ II. IX 646–648.

Сердце мое раздымается гневом, лишь вспомню о том я,
Как обесчестил меня перед целым народом ахейским
Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный!
(пер. Н.И. Гнедича).

¹⁵ Совокупность гражданских прав составляла честь (time) гражданина. Афинские граждане пользовались следующими почетными правами (привилегиями гражданской чести): правом занимать должности, быть судьями, принимать участие в выборах должностных лиц; правом вступать в брак с афинянками; правом владения недвижимой собственностью; правом совершать общественные жертвоприношения.

¹⁶ Эзотерическими сочинениями Аристотеля называются (в противоположность акроаматическим) сочинения, не предназначенные специально для учеников философа, т.е. обращенные к широкому кругу читателей и отличающиеся от школьных произведений тщательной литературной обработкой.

¹⁷ Педотриб – директор палестры (части гимназия, предназначенной для гимнастических упражнений).

После того как это установлено, надлежит обратиться к рассмотрению государственных устройств – их числа и свойств, и прежде всего правильных, так как (25) из их определения ясными станут и отклонения от них.

V 1. Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, (30) такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе. 2. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем (35) царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития¹⁸. 3. И такое разграничение оказывается логически правильным: один (40) человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства – (1279b) дело уже трудное, хотя легче всего – в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политии верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет. 4. Отклонения (5) от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни (10) одна из них в виду не имеет.

Нужно, однако, несколько обстоятельнее сказать о том, что представляет собой каждый из указанных [с.457] видов государственного устройства в отдельности. Исследование это сопряжено с некоторыми затруднениями: ведь при научном, а не только практически-утилитарном (*pros to prattein*) изложении каждой дисциплины исследователь не должен оставлять что-либо без внимания или что-либо обходить; его задача (15) состоит в том, чтобы в каждом вопросе раскрывать истину.

5. Тирания, как мы сказали, есть деспотическая монархия в области политического общения; олигархия – тот вид, когда верховную власть в государственном управлении имеют владеющие собственностью; наоборот, при демократии эта власть сосредоточена не в руках тех, кто имеет большое со-

стояние, а в руках неимущих. (20) И вот возникает первое затруднение при разграничении их: если бы верховную власть в государстве имело большинство и это были бы состоятельные люди (а ведь демократия бывает именно тогда, когда верховная власть сосредоточена в руках большинства), с другой стороны, точно так же, если бы где-нибудь оказалось, что неимущие, хотя бы они и представляли собой меньшинство в сравнении с состоятельными, все-таки захватили в свои руки верховную власть в управлении (а, по нашему утверждению, олигархия там, где верховная власть сосредоточена в руках небольшого количества людей), то показалось бы, что предложенное разграничение видов государственного устройства сделано неладно. 6. Но допустим, что кто-нибудь, соединив признаки: имущественное благосостояние и меньшинство и, наоборот, недостаток имущества и большинство и, основываясь на таких признаках, стал бы давать наименования видам государственных устройств: олигархия – такой вид государственного устройства, при котором должности занимают люди состоятельные, по количеству своему немногочисленные; (25) демократия – тот вид, при котором должности в руках неимущих, по количеству своему многочисленных. Получается другое затруднение: как мы обозначим только что указанные виды государственного устройства – тот, при котором верховная власть сосредоточена в руках состоятельного большинства, и тот, при котором она находится в руках неимущего меньшинства, если никакого иного государственного устройства, кроме указанных, не существует? 7. Итак, [с.458] (30) из приведенных соображений, по-видимому, вытекает следующее: тот признак, что верховная власть находится либо в руках меньшинства, либо в руках большинства, есть признак случайный и при определении того, что такое олигархия, и при определении того, что такое демократия, так как повсеместно состоятельных бывает меньшинство, а неимущих большинство; значит, этот признак не может служить основой указанных (40) выше различий. То, чем различаются демократия и олигархия, (1280a) есть бедность и богатство; вот почему там, где власть основана – безразлично, у меньшинства или большинства – на богатстве, мы имеем дело с олигархией, а где правят неимущие, там перед нами демократия. А тот признак, что в первом случае мы имеем дело с меньшинством, а во втором – с большинством, повторяю, есть признак случайный. Состоятельными (5) являются немногие, а свободой пользуются все граждане; на этом же и другие основывают свои притязания на власть в государстве.

8. Прежде всего должно исследовать указываемые обыкновенно отличительные принципы олигархии и демократии, а также и то, что признается справедливостью с олигархической и демократической точек зрения. Ведь все опираются на некую справедливость, но (10) доходят при этом только до некоторой черты, и то, что они называют справедливостью, не есть собственно справедливость во всей ее совокупности. Так, например, справедливость, как кажется, есть равенство, и так оно и есть, но только не для всех, а для равных; и неравенство также пред-

¹⁸ Термин *полития* обыкновенно употреблялся для обозначения республиканского строя, преимущественно демократического.

ставляется справедливостью, и так и есть на самом деле, но опять-таки не для всех, а лишь для неравных. Между тем упускают из виду вопрос “для кого?” и потому судят дурно; причиной (15) этого является то, что судят о самих себе, в суждении же о своих собственных делах едва ли не большинство людей – плохие судьи. 9. Так как справедливость – понятие относительное и различается столько же в зависимости от свойств объекта, сколько и от свойств субъекта, как об этом ранее упоминалось в “Этике”¹⁹, то относительно равенства, касающегося объектов, соглашаются все, но по поводу равенства, касающегося (20) субъектов, колеблются, и главным образом вследствие только что указанной причины, именно дурного суждения о своих собственных делах; а затем те и другие, [с.459] считая, что они все-таки согласны в относительном понимании справедливости, укрепляются в той мысли, что они постигают ее в полном смысле. Одни рассуждают так: если они в известном отношении, например в отношении денег, не равны, то, значит, они и вообще не равны; другие же думают так: если они в каком-либо (25) отношении равны, хотя бы в отношении свободы, то, следовательно, они и вообще равны. Но самое существенное они тут и упускают из виду. 10. В самом деле, если бы они вступили в общение и объединились исключительно ради приобретения имущества, то могли бы притязать на участие в жизни государства в той мере, в какой это определялось бы их имущественным положением. В таком случае олигархический принцип, казалось бы, должен иметь полную силу: ведь не признают справедливым, например, то положение, когда кто-либо, внося в общую сумму (30) в сто мин всего одну мину, предъявлял бы одинаковые претензии на первичную сумму и на выросшие проценты с тем, кто внес все остальное.

Государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и государство, состоящее из рабов или из животных, чего в действительности не бывает, так как ни те ни другие не составляют общества, стремящегося к благоденствию всех и строящего жизнь по своему предначертанию. Равным образом государство не возникает (35) ради заключения союза в целях предотвращения возможности обид с чьей-либо стороны, также не ради взаимного торгового обмена и услуг; иначе этруски и карфагеняне и вообще все народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами, должны были бы считаться гражданами одного государства. 11. Правда, у них существуют соглашения касательно ввоза и вывоза товаров, имеются договоры (40) с целью предотвращения взаимных недоразумений и есть письменные постановления касательно военного союза. (1280b) Но для осуществления всего этого у них нет каких-либо общих должностных лиц, наоборот, у тех и других они разные; ни те ни другие не заботятся ни о том, какими должны быть другие, ни о том, чтобы кто-нибудь из состоящих в договоре не был несправедлив, чтобы он не совершил какой-либо [с.460]

низости; они пекутся исключительно о том, чтобы не вредить (5) друг другу. За добродетелью же и порок в государствах заботливо наблюдают те, кто печется о соблюдении благозакония; в этом и сказывается необходимость заботиться о добродетели граждан тому государству, которое называется государством по истине, а не только на словах. В противном случае государственное общение превратится в простой союз, отличающийся от остальных союзов, заключенных с союзниками, далеко живущими, только в отношении пространства. (10) Да и закон в таком случае оказывается простым договором или, как говорил софист Ликофрон, просто гарантией личных прав; сделать же граждан добрыми и справедливыми он не в силах.

12. Что дело обстоит так – это ясно. Ведь если бы кто-нибудь соединил разные места воедино, так чтобы, (15) например, городские стены Мегар и Коринфа соприкасались между собой, все-таки одного государства не получилось бы; не было бы этого и в том случае, если бы они вступили между собой в эпигамию²⁰, хотя последняя и является одним из особых видов связи между государствами. Не образовалось бы государство и в том случае, если бы люди, живущие отдельно друг от друга, но не на таком большом расстоянии, чтобы исключена была возможность общения между ними, установили законы, воспрещающие им обижать друг (20) друга при обмене; если бы, например, один был плотником, другой – земледельцем, третий – сапожником, четвертый – чем-либо иным в этом роде и хотя бы их число доходило до десяти тысяч, общение их все-таки распространялось бы исключительно лишь на торговый обмен и военный союз. 13. По какой же причине? (25) Очевидно, не из-за отсутствия близости общения. В самом деле, если бы даже при таком общении они объединились, причем каждый смотрел бы на свой собственный дом как на государство, и если бы они защищали друг друга, как при оборонительном союзе, лишь при нанесении кем-либо обид, то и в таком случае по тщательном рассмотрении все-таки, по-видимому, не получилось бы государства, раз они и после объединения относились бы друг к другу так же, как и тогда, (30) когда жили раздельно. Итак, ясно, что государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств [с.461] обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни (eu dzen), в целях совершенного и самодовлеющего (35) существования. 14. Такого рода общение, однако, может осуществиться лишь в том случае, если люди обитают в одной и той же местности и если они состоят между собой в эпигамии. По этой причине в государствах и возникли родственные союзы и фратрии и жертвоприношения и развлечения – ради совместной жизни. Все это основано на взаимной

¹⁹ EN V 6.

²⁰ Эпигамия – право браков между гражданами двух государств, утверждаемое особым договором.

дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни. Таким образом, целью государства является (40) благая жизнь, и все упомянутое создается ради (1281a) этой цели; само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни. Так что и государственное общение – так нужно думать – существует ради прекрасной деятельности, а не просто ради совместного жительства.

15. Вот почему тем, кто вкладывает большую долю (5) для такого рода общения, надлежит принимать в государственной жизни и большее участие, нежели тем, кто, будучи равен с ними или даже превосходя их в отношении свободного и благородного происхождения, не может сравняться с ними в государственной добродетели, или тем, кто, превосходя богатством, не в состоянии превзойти их в добродетели.

Итак, из сказанного ясно, что все те, кто спорят (10) о государственном устройстве, правы в своих доводах лишь отчасти.

VI 1. Не легко при исследовании определить, кому должна принадлежать верховная власть в государстве: народной ли массе, или богатым, или порядочным людям, или одному наилучшему из всех, или тирану. Все это, оказывается, представляет трудность для решения. Почему, в самом деле? Разве справедливо будет, (15) если бедные, опираясь на то, что они представляют большинство, начнут делить между собой состояние богатых? Скажут “да, справедливо”, потому что [с.462] верховная власть установила считать это справедливым. Но что же тогда будет подходить под понятие крайней несправедливости? Опять-таки ясно, что если большинство, взяв себе все, начнет делить между собой достояние меньшинства, то этим оно погубит государство, (20) а ведь добродетель не губит того, что заключает ее в себе, да и справедливость не есть нечто такое, что разрушает государство. Таким образом, ясно, что подобный закон не может считаться справедливым. 2. Сверх того, пришлось бы признать справедливыми и все действия, совершенные тираном: ведь он поступает насильственно, опираясь на свое превосходство, как масса – по отношению к богатым. Но может быть, справедливо, чтобы властвовало меньшинство, (25) состоящее из богатых? Однако, если последние начнут поступать таким же образом, т. е. станут расхищать и отнимать имущество у массы, будет ли это справедливо? В таком случае справедливо и противоположное. Очевидно, что такой образ действий низок и несправедлив. 3. Что же, значит, должны властвовать и стоять во главе всего люди порядочные? Но в таком случае все остальные неизбежно утратят политические права, как лишенные чести занимать государственные должности. Занимать должности мы ведь считаем почетным правом, а если должностными лицами будут одни и те же, то остальные неизбежно окажутся лишенными этой чести. Не лучше ли, если власть будет сосредоточена в руках одного, самого дельного? Но тогда получится скорее приближение к олигархии, так как большин-

ство будет лишено политических прав. Пожалуй, кто-либо скажет: вообще плохо то, что верховную власть олицетворяет собой не закон, а человек, душа которого подвержена влиянию страстей. Однако если это будет закон, но закон олигархический или демократический, какая от него будет польза при решении упомянутых затруднений? Получится опять-таки то, о чем сказано выше. 4. Об остальных (40) вопросах речь будет в другом месте. А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй даже и истину. Ведь может оказаться, что [с.463] большинство, (1281b) из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности, подобно тому как обеды в складчину бывают лучше обедов, устроенных на средства одного человека. Ведь так как большинство включает в себя много людей, то, возможно, в каждом из них, взятом в отдельности, и заключается известная (5) доля добродетели и рассудительности; а когда эти люди объединяются, то из многих получается как бы один человек, у которого много и рук, много и ног, много и восприятия, так же обстоит и с характером, и с пониманием. Вот почему большинство лучше судит о музыкальных и поэтических произведениях: одни (10) судят об одной стороне, другие – о другой, а все вместе судят о целом²¹. 5. Дельные люди отличаются от каждого взятого из массы тем же, чем, как говорят, красивые отличаются от некрасивых или картины, написанные художником, – от картин природы: именно тем, что в них объединено то, что было рассеянным по разным местам; и когда объединенное воедино разделено на его составные части, то, может оказаться, у одного человека глаз, у другого какая-нибудь (15) другая часть тела будет выглядеть прекраснее того, что изображено на картине. Однако неясно, возможно ли для всякого народа и для всякой народной массы установить такое же отношение между большинством и немногими дельными людьми. Клянусь Зевсом, для некоторых это, пожалуй, невозможно (то же соображение могло бы быть применено и к животным; (20) в самом деле, чем, так сказать, отличаются некоторые народы от животных?). Однако по отношению к некоему данному большинству ничто не мешает признать сказанное истинным.

6. Вот таким путем и можно было бы разрешить указанное ранее затруднение, а также и другое затруднение, стоящее в связи с ним: над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных (25) граждан, т.е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей не безопасно: не обладая чувст-

²¹ Иначе судит Платон (Legg. 670c): “...смешна толпа в своем мнении, будто она достаточно распознает, что гармонично и ритмично и что нет...” (пер. А.Н. Егунова). В духе Аристотеля выражается комедиограф Кратин (FCG II 192): “Привет тебе, толпа великая, не вовремя смешливая, в день после праздника ты нашей мудрости из всех судья отменный”.

вом справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в [с.464] государстве много людей лишено политических прав, когда (30) в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти. 7. Поэтому и Солон, и некоторые другие законодатели предоставляют им право принимать участие в выборе должностных лиц и в принятии отчета об их деятельности, но самих к занятию должностей не допускают; объединяясь в одно (35) целое, они имеют достаточно рассудительности и, смешавшись с лучшими, приносят пользу государству, подобно тому как неочищенные пищевые продукты в соединении с очищенными делают всякую пищу более полезной, нежели состоящую из очищенных в небольшом количестве. Отдельный же человек далек от совершенства при обсуждении дел.

8. Эта организация государственного строя представляет (40) затруднение прежде всего потому, что, казалось бы, правильно судить об успешности лечения может только тот, кто сам занимался врачебным искусством и вылечил больного от имевшейся у него болезни, (1282a) т.е. врач. То же самое – и относительно остальных искусств и всякого рода деятельности, основанной на опыте. И как врачу должно давать отчет врачам, так и остальным должно давать отчет людям одинаковой с ними профессии. Врачом же считается и лечащий врач (*demioyrgos*), и человек, изучающий (5) медицину с точки зрения высшего знания (*arkhitektonikos*), и, третьих, человек, только получивший медицинское образование (подобные разряды людей имеются, вообще говоря, во всех искусствах), и мы предоставляем право судить таким получившим образование людям не меньше, чем знатокам. 9. Пожалуй, такой же порядок может быть установлен и при всякого рода выборах. Но сделать правильный выбор могут только (10) знатоки, например, люди, сведущие в землемерном искусстве, могут правильно выбрать землемера, люди, сведущие в кораблевождении, – кормчего; и если в выборе людей для некоторых работ и ремесел принимает участие и кое-кто из несведущих, то, во всяком случае, не в большей степени, чем знатоки. С этой точки зрения невозможно было бы предоставлять народной массе решающий голос ни при выборах должностных лиц, ни когда принимается отчет об их деятельности. [с.465] (15) 10. Однако, может быть, не все это сказано правильно, и в соответствии с прежним замечанием если народная масса не лишена всецело достоинств, свойственных свободно-рожденному человеку, то каждый в отдельности взятый будет худшим судьей, а все вместе будут не лучшими или, во всяком случае, не худшими судьями. В некоторых случаях не один только мастер является единственным и наилучшим судьей, именно там, где дело понимают и люди, не владеющие искусством; (20) например, дом знает не только тот, кто его построил, но о нем еще лучше будет судить тот, кто им пользуется, т. е. домохозяин; точно так же руль лучше знает кормчий, чем мастер,

ший руль, и о пиршестве гость будет судить правильнее, нежели повар. Словом, это затруднение мы, пожалуй, сможем удовлетворительно разрешить вышесказанным образом. (25) 11. Но за этим затруднением следует другое. Кажется нелепым, что в более важных делах решающее значение будут иметь простые люди предпочтительно перед порядочными; а ведь принятие отчетов от должностных лиц и выборы их – дело очень важное. При некоторых государственных устройствах, как сказано, это предоставлено народу, поскольку народное собрание имеет верховную власть во всех подобного рода делах. (30) В народном собрании, в совете и в суде участвуют люди, имеющие небольшой имущественный ценз и любого возраста²²; казначеями же и стратегами и вообще высшими должностными лицами являются люди, обладающие крупным имущественным цензом. 12. Но и последнее затруднение можно было бы разрешить так же легко, и, может быть, здесь тоже все правильно. Ведь властью является не член суда, не член совета, (35) не член народного собрания, но суд, совет и народное собрание; каждый из поименованных членов представляет собой только составную часть самих учреждений (я называю такими составными частями членов совета, народного собрания и суда), так что народная масса с полным правом имеет в своих руках верховную власть над более важными делами: и народное собрание, и совет, и суд состоят из многих, да и имущественный ценз (40) всех, вместе взятых, превышает имущественный ценз каждого в отдельности или немногих, занимающих высокие посты в государстве. 13. Вот (1282b) каким образом разрешается это дело. Из первого же [с.466] указанного нами затруднения с очевидностью вытекает только следующее положение: правильное законодательство должно быть верховной властью, а должностные лица – будь это одно или несколько – должны иметь решающее значение только в тех случаях, когда (5) законы не в состоянии дать точный ответ, так как не легко вообще дать вполне определенные установления касательно всех отдельных случаев. А какого характера должно быть правильное законодательство – тут ничего ясного еще сказать нельзя; здесь остается еще указанное ранее затруднение, а именно: и законы в той же мере, что и виды государственного устройства, могут быть плохими или хорошими, основанными или (10) не основанными на справедливости. Ясно только одно: законы должны быть согласованы с тем или иным видом государственного устройства. А если так, то, очевидно, законы, соответствующие правильным видам государственного устройства, будут справедливыми, законы же, соответствующие отклонениям от правильных видов, будут несправедливыми.

(15) VII 1. Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимуущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе. По общему представлению, справед-

²² С.А. Жебелев ставит под вопрос, принадлежат ли слова *и любого возраста* к первоначальному тексту “Политики”.

ливость есть некое равенство; это положение до известной степени согласно (20) с теми философскими рассуждениями, в которых разобраны этические вопросы. Утверждают, что справедливость есть нечто имеющее отношение к личности и что равные должны иметь равное. Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем – неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии.

2. Возможно, кто-нибудь скажет: избыток любого блага у одних должен послужить основанием для неравного (25) распределения государственных должностей даже в том случае, если бы люди во всем остальном ничем между собой не отличались, но оказались все одинаковыми; ведь у отличающихся между собой различны и права, и то, что им подобает. Однако если это замечание справедливо, то должны пользоваться [с.467] каким-нибудь преимуществом в политических правах и те, кто отличается цветом своей кожи, хорошим ростом и вообще превосходством какого бы то ни было блага. (30) Но не будет ли это ложным даже на первый взгляд? Это станет ясным из рассмотрения остальных наук и искусств. В самом деле, из одинаково искусных флейтистов разве следует давать лучшие флейты тем, кто выдается своим благородным происхождением? Ведь они от этого лучше играть не будут. Тому, кто отличается своей игрой на флейте, следует давать и лучший (35) инструмент. 3. Если наши слова все еще неясны, то они станут понятными при дальнейшем обсуждении приведенного нами примера. Положим, кто-нибудь, отличаясь искусной игрой на флейте, значительно уступает другому в благородстве происхождения или красоте (а каждое из этих преимуществ, т.е. благородство происхождения и красота, конечно, есть более драгоценное благо сравнительно с искусной игрой на флейте, (40) и они соответственно в большей степени возвышаются над игрой на флейте, нежели возвышается флейтист своей игрой), – и все же этому флейтисту следует давать (1283a) лучшую флейту. Иначе пришлось бы согласиться, что преимущества, доставляемые богатством и благородством происхождения, должны оказывать решающее влияние на музыкальное исполнение, между тем как никакого влияния они не имеют. 4. Далее, если бы было так, то каждое благо можно было бы сопоставлять со всяким другим благом: раз хороший рост есть (5) некое преимущество, то хороший рост следовало бы ставить на одну доску и с богатством, и со свободой, так что если такой-то выдается больше своим хорошим ростом, чем другой – своей добродетелью, то всё, и хороший рост и добродетель, можно было бы сравнивать, несмотря на то что, конечно, с общей точки зрения добродетель стоит большего, чем хороший рост; ведь если такая-то мера того-то лучше, чем такая-то мера другого, то очевидно, что какая-то мера их будет равной. (10) 5. Это, однако, невозможно, а потому и в области политики соперничают при занятии должностей, опираясь не на любое неравенство, ибо если одни медлительны, другие быстры, то это ни в малейшей степени не должно вести к тому, чтобы вторые имели больше, первые –

меньше прав в этом соревновании; в гимническом состязании²³ это различие имеет значение, в [с.468] (15) политике же только элементы, составляющие государство, должны быть мерилем при соперничестве. Поэтому вполне основательно притязают на честь в государстве лица благородного происхождения, богатые, свободнорожденные; в государстве должны быть и свободнорожденные, и люди, платящие налоги, ведь оно не могло бы состоять исключительно из неимущих или из одних рабов. 6. Если необходимо все это, то, (20) ясно, для него необходимы и справедливость, и воинская доблесть: без наличия их невозможно жить государству. Все различие в том, что без указанного ранее невозможно вообще существование государства, а без этих последних не представляется возможным жить в государстве прекрасной жизнью.

Условиям простого существования государства, по-видимому, может – и с полным основанием – удовлетворять либо всё, что перечислено выше, либо часть (25) этого, но на осуществление благой жизни могут с полным правом притязать, как об этом и ранее говорилось, лишь воспитание и добродетель.

7. Так как ни равные в чем-то одном не должны быть равными во всем, ни неравные в чем-то одном – неравными во всем, то все виды государственного устройства, в которых это происходит, являются отклонениями. (30) И выше уже было сказано, что все притязают на власть, опираясь на то или иное право, но не все могут опираться при этом на безусловное право. Богатые ссылаются на то, что в их руках сосредоточено обладание большей частью страны, а последняя – общее достояние государства; далее, они указывают на свою обычно большую надежность в соблюдении обязательств; свободнорожденные и люди благородного происхождения упираются на то, что они стоят в тесных (35) отношениях друг к другу, а ведь люди благородного происхождения с большим правом граждане, чем люди безродные: благородство происхождения действительно повсюду пользуется почетом, и люди, происходящие от более благородных родителей, оказываются, как того и следует ожидать, лучше, ибо благородство происхождения – добродетель, присущая известному роду. 8. Точно так же мы скажем, что и притязания добродетели справедливы, потому что, по нашему утверждению, справедливость, например, есть добродетель, необходимая в общественной жизни, а за [с.469] справедливостью (40) неизбежно следуют и остальные добродетели. Равным образом справедливы и притязания большинства предпочтительно перед меньшинством, потому что большинство во всей его совокупности и сильнее, и богаче, и лучше по сравнению с меньшинством. Итак, (1283b) если бы все эти элементы – я имею в виду людей хороших, богатых и благородного происхождения – имелись в одном государстве, а наряду с ними еще масса остальных граждан, то возник или не возник бы спор о том, кому же в государстве должна принадлежать власть? 9. Конечно, решение вопроса о том, кому в государстве (5) надлежит властвовать, должно сообщ-

²³ Т.е. в состязании в атлетике, гимнастике и пр.

разоваться с каждым из указанных выше видов государственного устройства, поскольку эти виды различаются характером верховной власти: например, при одном виде государственного устройства она сосредоточена в руках богатых, при другом – в руках дельных мужей, и подобным же образом при каждом другом устройстве. Но мы должны все-таки рассмотреть, как это следует разрешить в том случае, когда все это имеется одновременно. (10) 10. Допустим, что число людей, обладающих добродетелью, совсем невелико, – чем тогда нужно руководствоваться? Нужно ли считаться с тем, что их немного, имея в виду стоящую перед ними задачу, а именно: в состоянии ли они будут управлять государством, или их должно быть столько, чтобы оказалось возможным образовать из них государство? Возникает новое затруднение, которое касается всех людей, притязующих (15) на почести в государстве: может оказаться, что притязающие на власть в государстве, опираясь на свое богатство а равно и те кто основывается в своих притязаниях на благородстве происхождения, на самом деле не могут сослаться ни на какое право. Ведь ясно, что если бы явился хотя бы кто-нибудь один, превосходящий своим богатством всех остальных, то, основываясь на том же самом праве, этот один и должен был бы властвовать над всеми; точно так же было бы и в том случае, если бы нашлся кто-нибудь, превосходящий (20) благородством своего происхождения всех основывающих свои притязания на том что они – люди свободного происхождения. 11. То же самое, пожалуй, окажется и в аристократических государствах в отношении добродетели: если найдется какой-либо один человек, превосходящий своей добродетелью остальных [с.470] принимающих деятельное участие в государственном управлении, то, по тому же самому праву, ему и должна принадлежать верховная власть. Опять-таки, если из народной массы, которая, вследствие того что она (25) сильнее меньшинства, должна иметь верховную власть, выделится один человек или более, чем один, но все-таки меньше, чем большая часть народной массы, обладающий или обладающие большей силой сравнительно с остальными, то ему или им и должна принадлежать верховная власть предпочтительно перед толпой. 12. Из всего этого, по-видимому, ясно следует, что ни один из тех признаков, на основании которых люди изъявляют притязания на власть и настаивают, чтобы (30) все остальные находились у них в подчинении, не является правильным. Да и против тех, кто требует для себя верховной власти в государственном управлении, ссылаясь на свою добродетель, равно как и против тех, кто опирается на свое богатство, народная масса могла бы выдвинуть до известной степени справедливое возражение: ведь ничто не мешает, чтобы народная масса в некоторых случаях оказалась, по сравнению с немногими, выше стоящей и более состоятельной, – конечно, (35) не в лице отдельных людей, но взятая во всей своей совокупности.

13. На затруднение, которое исследуют и выставляют некоторые (а именно: они затрудняются решить вопрос, должен ли законодатель, желающий

издать наиболее правильные законы, сообразоваться с выгодой для лучших или для большинства), можно ответить тем же способом, имея в виду вышесказанное²⁴. Здесь мы должны понимать правильное в смысле равномерного, а такое равномерно правильное имеет в виду выгоду для всего государства и общее благо граждан. Гражданином в общем смысле является тот, кто причастен (1284a) и к властвованию и к подчинению; при каждом виде государственного устройства сущность гражданина меняется. При наилучшем виде государственного устройства гражданином оказывается тот, кто способен и желает подчиняться и властвовать, имея в виду жизнь, согласную с требованиями добродетели.

VIII 1. Если кто-либо один или несколько человек, (5) больше одного, но все-таки не настолько больше, чтобы они могли заполнить собой государство, отличались [с.471] бы таким избытком добродетели, что добродетель всех остальных и их политические способности не могли бы идти в сравнение с добродетелью и политическими способностями указанного одного или нескольких человек, то таких людей не следует и считать составной частью государства: ведь с ними поступят вопреки справедливости, если предоставят им те же права, что и остальным, раз они в такой степени неравны с этими последними (10) своей добродетелью и политическими способностями. Такой человек был бы все равно что божество среди людей. 2. Отсюда ясно, что и в законодательстве следует иметь в виду равных и по их происхождению, и по способностям, а для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами – закон. Да и в смешном (15) положении оказался бы тот, кто стал бы пытаться сочинять для них законы: они сказали бы, пожалуй, то, что, по словам Антифена, львы сказали зайцам, когда те произносили речи в собрании животных и требовали для всех равноправия²⁵. На этом основании государства с демократическим устройством устанавливают у себя остракизм: по-видимому, стремясь к (20) всеобщему равенству, они подвергали остракизму и изгоняли на определенный срок тех, кто, как казалось, выдавался своим могуществом, опираясь либо на богатство, либо на обилие друзей, либо на какую-нибудь иную силу, имеющую значение в государстве. 3. Согласно мифологическому преданию, по той же самой причине аргонавты покинули Геракла: корабль Арго не (25) пожелал везти его вместе с прочими пловцами, так как он намного превосходил их. Равным образом нельзя признать безусловно правильными и те упреки, которые делались по поводу тирании и совета, данного Периандром Фрасибулу: рассказывают, что Периандр ничего не сказал в ответ глашатаю, посланному к нему (30) за советом, а лишь, вырывая те колосья, которые слишком выдавались своей высотой, сравнял засеянное поле; глашатай, не уразумев, в чем дело, доложил Фрасибулу о том, что видел, а тот понял поступок Периандра в том смысле, что

²⁴ Т.е. то, что масса, взятая во всей совокупности, может стоять выше меньшинства более достойных людей.

²⁵ Антифен (ок. 444 – ок. 365 г. до н.э.) – ученик Сократа, глава кинической школы.

следует убивать выдающихся людей. 4. Такой образ действий выгоден не только тирании, (35) и не одни лишь тираны так поступают, но то же самое происходит и в олигархиях и в демократиях: ostracism имеет в известной степени то же значение – именно посредством изгнания выдающихся людей [с.472] подрезывать в корне их могущество. Так же поступают с [греческими] государствами и с [варварскими] племенами те, кто пользуется властью; например, афиняне – (40) с самосцами, хиосцами и лесбосцами: как только афиняне прочно взяли в свои руки власть, они их принизили (1284b) вопреки договорам; персидский же царь неоднократно подрубал мидян, вавилонян и остальные племена, гордившиеся тем, что и они в свое время пользовались господством. 5. Вообще вопрос этот стоит перед всеми видами государственного устройства, в том числе и перед правильными. Правда, в тех видах государств, (5) которые являются отклонениями, применение этого средства делается ради частных выгод, но оно в равной степени находит себе место и при государственных устройствах, преследующих общее благо. Это можно пояснить примером, взятым из области иных искусств и наук. Разве может допустить художник, чтобы на его картине живое существо было написано (10) с ногой, нарушающей соразмерность, хотя бы эта нога была очень красива? Или разве выделит чем-либо кораблестроитель корму или какую-нибудь иную часть корабля? Разве позволит руководитель хора участвовать в хоре кому-нибудь, кто поет громче и красивее всего хора? 6. Таким образом, нет никаких препятствий к тому, чтобы люди, обладающие единоличной властью, действуя в согласии с выгодой для государства, прибегали к этому средству в том случае, когда оно является (15) одинаково полезным как для их личной власти, так и для блага государства. Недаром же там, где дело идет о неоспоримом превосходстве, мысль об ostracism находит некое справедливое оправдание. Конечно, лучше, если законодатель с самого начала придаст государству такое устройство, что не окажется нужды прибегать к такого рода врачеванию, а лишь при “втором плавании”²⁶; в случае надобности можно попытаться (20) исправить дело при помощи такого рода поправки. Не то происходило в государствах: прибегая к ostracism, они имели в виду не выгоду для соответствующего государственного устройства, а преследовали при этом выгоду для своей партии. Итак, ясно, что при тех видах государственного устройства, которые представляют собой отклонения, ostracism, как средство, выгодное для них, полезен и справедлив; но ясно и (25) то, что, пожалуй, с общей точки зрения ostracism не [с.473] является справедливым. 7. При наилучшем же виде государственного устройства большое затруднение возникает вот в чем: как нужно поступать в том случае, если кто-нибудь будет превосходить других не избытком каких-либо иных благ, вроде могущества, богатства, или обилием друзей, но будет отличаться избытком добродетели? Ведь не сказать же, что такого челове-

ка (30) нужно устранить или удалить в изгнание; с другой стороны, нельзя себе представить, чтобы над таким человеком властвовали, потому что в таком случае получилось бы приблизительно то же самое, как если бы, распределяя государственные должности, потребовали власти и над Зевсом. Остается одно, что, по-видимому, и естественно: всем охотно повиноваться такому человеку, так что такого рода люди оказались бы в государстве пожизненными царями.

(35) IX 1. Быть может, после приведенных выше рассуждений уместно перейти к рассмотрению сущности царской власти, которая, по нашему утверждению, является одним из правильных видов государственного устройства. Исследованию подлежит вопрос: полезна ли царская власть для государства и страны, стремящихся иметь прекрасное устройство, или не полезна, (40) а, наоборот, предпочтительнее какой-нибудь иной вид правления, или для одних государств царская власть полезна, для других не полезна? Но предварительно следует установить, существует ли только один вид (1285a) царской власти, или же имеется несколько ее разновидностей.

2. Нетрудно усмотреть, что существует несколько видов царской власти и самый способ ее проявления в каждом данном случае не один и тот же. Так, царская власть в лакедемонском государственном устройстве, по-видимому, основывается преимущественно на (5) законе, но она не является верховной властью в полном смысле: царь – верховный вождь военных сил лишь в том случае, когда он выходит за пределы страны; сверх того, царям предоставлено ведать религиозным культом. Таким образом, эта царская власть является как бы некоей неограниченной и несменяемой стратегией; но право казнить царь имеет исключительно только во время похода. То же самое было и в глубокой (10) древности во время военных экспедиций, когда [с.474] действовало право сильного, о чем свидетельствует Гомер: Агамемнон на народных сходках выслушивал брань, сдерживая себя, но, когда войско отправлялось против неприятеля, он имел полную власть казнить; недаром он заявляет: “Если же кого [я увижу] вне ратоборства... нигде уже после ему не укрыться от псов и пернатых: смерть в моих ведь руках”²⁷.

(15) 3. Итак, вот один из видов царской власти – пожизненная стратегия. Она бывает либо наследственной, либо выборной. Наряду с ней встречается другой вид монархии, примером которой может служить царская власть у некоторых варварских племен; она имеет то же значение, что и власть тираническая, но основывается она и на законе, и на праве наследования. (20) Так как по своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины, и азиатские варвары превосходят в этом отношении варваров, живущих в Европе, то они и подчиняются деспотической власти, но обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия. Вследствие указанных причин царская власть у варваров имеет характер тирании, но стоит она прочно, так как основой ее служит преем-

²⁶ “Второе плавание” – поговорка, смысл которой тот, что, когда попутный ветер изменил, приходится плыть на веслах.

²⁷ П. 391 сл. Слова “смерть в моих ведь руках” в дошедшем до нас тексте Илиады не читаются.

ственность и закон. 4. По той же (25) причине и охрана ее такая, как у царей, а не как у тиранов: ведь царей охраняют вооруженные граждане, тиранов же – наемники, потому что цари властвуют на законном основании над добровольно подчиняющимися им людьми, тираны же – над подчиняющимися им против воли; таким образом, одни получают охрану своей власти от граждан, а другие – против граждан.

(30) 5. Это два вида монархии. Другой вид, существовавший у древних эллинов, носит название эсимнетии. Она, так сказать, представляет собой выборную тиранию; отличается она от варварской монархии не тем, что основывается не на законе, а только тем, что не является наследственной. Одни обладали ею пожизненно, (35) другие избирались на определенное время или для выполнения определенных поручений; так, например, граждане Митилены некогда избрали эсимнетом Питтака для защиты от изгнанников, во главе которых стояли Антименид и поэт Алкей. 6. О том, что митиленяне избрали Питтака именно тираном, свидетельствует Алкей в одной из своих застольных песен²⁸. Он укоряет их за то, что они “при всеобщем одобрении [с.475] (1285b) поставили тираном над мирным несчастным городом Питтака, человека худородного”. Такие виды правления, с одной стороны, были и являются тираническими, как основанные на деспотии, с другой стороны, относятся к видам царской власти, потому что эсимнетов избирают, причем добровольно.

7. Четвертым видом царского единовластия являются (5) те монархии, которые существовали в героическое время и основывались на добровольном согласии граждан, равно как и на праве законного наследования. Поскольку родоначальники этих героических царей оказывались благодетелями народной массы – либо как изобретатели тех или иных ремесел, либо как предводители на войне, либо как основатели государственного объединения, либо как расширившие территорию, – то они и становились царями по добровольному согласию граждан, а их потомки получали царскую власть путем наследования. Власть их выражалась (10) в предводительстве на войне, в совершении жертвоприношений – поскольку последнее не составляло особой функции жрецов – и, сверх того, в разбирательстве судебных дел, причем в этом последнем случае одни цари творили суд, не принося клятвы, другие – принося ее (клятва состояла в том, что цари поднимали вверх свой скипетр).

8. В древние времена цари управляли непосредственно всеми делами, касающимися государства, руководили его внутренней и внешней политикой; впоследствии (15) же, после того как от некоторых функций своей власти они отказались сами, а другие были отняты у них народом, в одних государствах за царями сохранилось только право жертвоприношений, в других – где все-таки может идти речь о царской власти – царя удержали за собой лишь право быть главнокомандующими за пределами страны.

(20) X 1. Итак, вот четыре вида царской власти: во-первых, царская власть героических времен, основанная на добровольном подчинении ей граждан, но обладавшая ограниченными полномочиями, а именно: царь был военным предводителем, судьей и ведал религиозным культом; во-вторых, царская власть у варваров, (25) наследственная и деспотическая по закону; в-третьих, так называемая эсимнетия – выборная тирания и, [с.476] в-четвертых, царская власть в Лакедемонне, представляющая собой в сущности наследственную и пожизненную стратегию. Эти четыре вида различаются указанными выше свойствами. 2. Пятым видом царской (30) власти будет тот, когда один человек является неограниченным владыкой над всем, точно так же как управляет общими делами то или иное племя или государство. Такого рода царская власть есть как бы власть домохозяйственная: подобно тому как власть домохозяина является своего рода царской властью над домом, так точно эта всеобъемлющая царская власть есть в сущности домоправительство над одним или несколькими государствами и племенами.

Строго говоря, существует только два вида царской власти, подлежащих рассмотрению: этот последний (35) вид и царская власть в Лакедемонне; остальные три вида в большинстве случаев занимают промежуточное положение между указанными: их полномочия, с одной стороны, меньше всеобъемлющей царской власти, с другой – превосходят власть лакедемонских царей. Таким образом, исследованию подлежат, собственно говоря, два следующих вопроса: один – полезно или не полезно для государств иметь у себя пожизненного стратега, и должен ли он происходить из определенного рода или быть выборным; другой – полезно или (1286a) не полезно, чтобы один человек был неограниченным владыкой над всем?

3. Исследование о пожизненной стратегии относится скорее к области законодательной деятельности, нежели к вопросу о государственном устройстве, потому что эта стратегия может найти себе место при всяких (5) устройствах, так что первую разновидность царской власти опустим. Что же касается другой ее разновидности, то она действительно представляет собой вид государственного устройства, почему мы и должны рассмотреть его и коснуться заключенных в исследовании о нем трудностей. Исходная точка наших изысканий – обсуждение следующего вопроса: под какой Частью полезнее находиться – под властью лучшего мужа или под властью лучших законов? 4. Те, кто решает, (10) что полезно быть под властью царя, ссылаются на то соображение, что законы выражают собой только общие положения и не заключают в себе предуказаний на отдельные случаи²⁹; поэтому было бы полено, [с.477] как и при всякого рода ином искусственном установлении, рабски придерживаться буквы предписания, вроде того как в Египте врачу дозволено было отклоняться³⁰ по истечении четырех дней; если же он делал это раньше, то поступал так на свой страх. Та-

²⁸ См. *Алкей* fr.32aBergk(= fr. 108 Lobel); fr. 37b Bergk (= fr. 109 Lobel).

²⁹ См., напр., *Pl. Polit.* 294b.

³⁰ От установленных там правил лечения. См. об этом *Diod.* I 82, 3.

ким (15) образом, выходит по той же самой причине, что государственный строй, строго придерживающийся в мелочах буквы закона, не есть наилучший. Однако правители должны руководствоваться общими правилами, и лучше то, чему чужды страсти, нежели то, чему они свойственны по природе; в законе их нет, а во всякой (20) человеческой душе они неизбежно имеются. 5. Но, может быть, кто-нибудь скажет, что зато наилучший муж будет судить более правильно в каждом отдельном случае. Как бы то ни было, ясно, что ему необходимо быть законодателем и что должны существовать законы, теряющие, однако, свою силу тогда, когда они извращаются, во всех же других случаях остающиеся (25) в силе; если же о чем-либо закон не в состоянии вообще решить или решить хорошо, то кто должен властвовать – один наилучший муж или все? Правда, в настоящее время сходятся вместе, творят суд, совещаются и выносят решение, но все эти суды касаются единичных дел. Если же взять любого в отдельности, то он, возможно, окажется хуже; но ведь государство состоит из многих, и, подобно тому как пиршество в (30) складчину бывает лучше обеда простого, на одного человека, так точно и толпа о многих вещах судит лучше, нежели один человек, кто бы он ни был. 6. Сверх того, масса менее подвержена порче: подобно большому количеству воды, масса менее поддается порче, чем немногие. Когда гнев или какая-либо иная подобная (35) страсть овладевает отдельным человеком, решение последнего неизбежно становится негодным; а чтобы это случилось с массой, нужно, чтобы все зараз пришли в гнев и в силу этого действовали ошибочно. Под массой же следует разуметь свободнорожденных, ни в чем не поступающих вопреки закону, за исключением только тех неизбежных случаев, когда закон оказывается недостаточным. Если это не легко бывает среди многих, то как же будет, когда имеется несколько хороших мужей и граждан, – кто менее подвержен порче: один (40) ли правитель или несколько, числом больше, но все (1286b) одинаково хорошие? Разве не ясно, что эти последние? [с.478] Но эти несколько вступят в распри, а один стоит вне такой борьбы. Этому возражению, пожалуй, возможно противопоставить то, что те несколько одарены превосходными душевными качествами, как и тот один.

7. Если правление нескольких людей, всех одинаково (5) хороших, следует считать аристократией, а правление одного лица – царской властью, то аристократия оказалась бы для государства предпочтительнее царской власти, все равно, будет ли власть опираться на вооруженную силу или же обойдется без нее, лишь бы только оказалось возможным привлечь к правлению нескольких подобных людей. Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда (10) вообще государства были малонаселенными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодетелии, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыски-

вать какой-нибудь общий вид правления и установили политик”.

8. Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счет общественного достояния, (15) из политики естественным путем получались олигархии, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний – демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя (20) обрушилась на них и установила демократию. А так как государства увеличились, то, пожалуй, теперь уже нелегко возникнуть другому государственному устройству, помимо демократии.

9. Если кто-либо признал бы, что наилучший вид правления для государств – царская власть, то возникает вопрос, как быть с царскими детьми. Что же, и потомство также должно царствовать? Но ведь если (25) среди него окажутся такие люди, какие уже бывали, то это будет пагубно. В этом случае пусть царь, раз он имеет в своих руках полноту власти, не передает власть таким детям. Однако в этом деле не так легко ему довериться, ибо оно затруднительно само по себе и требует от человека большей добродетели, чем это [с.479] свойственно человеческой природе. 10. Является также затруднение и при решении вопроса о вооруженной охране: должен ли вступающий во власть иметь в своем распоряжении военную силу, опираясь на которую (30) он будет в состоянии заставить повиноваться себе тех, кто этого не желает, а иначе как он может справиться с управлением? Ведь если бы даже он был полноправным владыкой по закону и не совершал ничего по своему произволу и вопреки закону, все-таки у него, несомненно, должна быть в распоряжении известная сила, опираясь на которую он будет в состоянии охранять законы. Правда, по отношению к законному царю (35) вопрос этот может быть решен быстро и без затруднения: такой царь должен владеть вооруженной силой, и она должна быть настолько значительной, чтобы царь, опираясь на нее, оказывался сильнее каждого отдельного человека и даже нескольких человек, по слабее массы граждан. Такую именно охрану давали древние, когда они назначали править государством какого-либо эсимнета или тирана; и когда Дионисий (40) стал требовать себе охрану, кто-то посоветовал сиракузянам дать ему охрану в таких именно размерах.

(1287a) XI 1. Наше изложение привело нас теперь к рассуждению о таком царе, который во всем поступает по собственной воле; о таком царе нам и следует представить свои соображения. Так называемая законная монархия не является, как мы уже сказали, особым видом государственного устройства; при всяком виде (5) его, например при демократии или аристократии, может существовать пожизненная стратегия, и во многих государствах во главе внутреннего управления ставится один полномочный человек; такого рода власть существует в Эпидамне и в

Опунте, только с несколько ограниченными полномочиями³¹.

2. Мы уже будем теперь рассуждать о так называемой всеобъемлющей царской власти, которая состоит (10) в том, что царь правит всем по собственной воле. Некоторым кажется противоестественным, чтобы один человек имел всю полноту власти над всеми гражданами в том случае, когда государство состоит из одинаковых: для одинаковых по природе необходимо должны существовать по природе же одни и те же права и почет. И если вредно людям с неодинаковыми [с.480] телесными свойствами питаться одной и той же пищей или (15) носить одну и ту же одежду, то так же дело обстоит и с почетными правами; одинаково вредно и неравенство среди равных. 3. Поэтому справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один (20) из среды граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. Раз неизбежно существование тех или иных должностей, то, скажут, будет несправедливо при всеобщем равенстве объединение их в руках одного лица. 4. А на то замечание, что закон, по-видимому, не в состоянии предусмотреть все возможные случаи, можно возразить, что и человек (25) был бы не в силах их предугадать. Во всяком случае, закон, надлежащим образом воспитавший должностных лиц, предоставляет им возможность в прочих делах выносить судебные решения и управлять, руководствуясь наиболее справедливым суждением. Он позволяет им вносить в него поправки, если опыт покажет, что они содействуют улучшению существующих установлений. Итак, кто требует, чтобы властвовал закон, по-видимому, (30) требует, чтобы властвовало только божество и разум, а кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это и животное начало, ибо страсть есть нечто животное и гнев свращает с истинного пути правителей, хотя бы они были и наилучшими людьми; напротив, закон – это свободный от безотчетных позывов разум³². 5. Пример из области искусств, который показывает, что лечить согласно букве предписания – (35) плохо, а предпочтительнее обращаться к знакам врачебного искусства, представляется ошибочным. Врачи ведь ничего не будут делать из дружбы против правил; они и вознаграждение получают после того, как вылечили больного. Напротив, люди, занимающие государственные должности, зачастую во многом поступают, руководясь злобой или приязнью. В случае если возникает подозрение, что врачи по наговору недоброжелателей (40) собираются ради корысти погубить больного, люди предпочитают, чтобы они лечили согласно [с.481] (1287b) букве предписания. 6. Больные врачи зовут к себе других врачей; педотрибы, занимаясь гимнастическими уп-

ражнениями, приглашают других педотрибов, потому что они не в состоянии судить об истине, когда дело касается их самих, и они сами подвержены страстям. Таким образом, ясно, что ищущий справедливости (5) ищет чего-то беспристрастного, а закон и есть это беспристрастное.

Сверх того, следует прибавить, что законы, основанные на обычае, имеют большее значение и касаются более важных дел, нежели законы писанные, так что если какой-нибудь правящий человек и кажется более надежным, чем писанные законы, то он ни в коем случае не является таковым по сравнению с законами, основанными на обычае. 7. К тому же не очень легко одному человеку наблюдать за многим; поэтому ему придется назначить в помощь нескольких должностных лиц. (10) Какая же в таком случае разница: создается ли такое положение вещей сразу, или один человек устанавливает соответствующий порядок? К этому можно присоединить то, о чем было сказано выше: если дельный муж вследствие того, что он лучше другого, имеет право па власть, то ведь двое хороших мужей лучше одного хорошего. Сюда подходит и изречение “два, совокупно идущих”³³, и пожелание Агамемнона (15) “[если б] десять таких у меня советников [было]”³⁴. И в настоящее время должностные лица бывают правомочны выносить свои решения по поводу некоторых дел, например судья в том случае, когда закон не способен дать решение. Но там, где это оказывается возможным, ни у кого не является сомнение в том, что самое лучшее будет предоставить власть и решение именно закону. 8. И только вследствие того обстоятельства, что решение одних вопросов может (20) быть подведено под законы, а других – не может, приходится недоумевать и исследовать, что предпочтительнее – господство ли наилучшего закона или господство наилучшего мужа, так как вопросы, обычно требующие обсуждения, не могут быть заранее решены законом. Защитники господства закона вовсе не говорят против того, что в подобных случаях решение должно исходить от человека; они настаивают только (25) на том, чтобы это был не один человек, а несколько. 9. Каждое должностное лицо, воспитанное в духе [с.482] закона, будет судить правильно; но, пожалуй, было бы нелепостью предполагать, будто один человек, каковым бы он ни был, с его парой глаз, ушей, ног и рук, оказался бы в состоянии лучше рассмотреть дело, вынести решение и привести его в исполнение, нежели несколько людей, снабженных такими же органами и частями тела в соответствующей пропорции. В настоящее (30) время монархи вынуждены прибегать к помощи многих глаз, ушей, рук и ног, делая соучастниками своей власти людей, сочувствующих их правлению и лично расположенных к ним³⁵. Если это не друзья монарха, они не станут поступать согласно с его предначертаниями, а если они друзья монарха и его власти, [то будут так поступать]; ведь дружба неизбежно предполагает со-

³³ II. X 225.

³⁴ II. II 372.

³⁵ С.А. Жебелев принимает чтение *haytois* вместо рукописных чтений *autoys* (самых) или *autoy* (его).

³¹ В *Этидамне* и в *Опунте* была олигархическая форма правления.

³² Дословно: закон – разум без стремлений (инстинктов).

вершенное равенство, так что, если монарх предполагает, что такие друзья должны разделять его власть, он допускает вместе с тем, что и власть должна быть равной между равными и подобными. (35) Вот почти все возражения, выдвигаемые против царской власти.

10. По отношению к одним лицам они, пожалуй, основательны, по отношению к другим – нет. Уже самой природой заложены одно начало права и пользы для деспотии, другое – для царской власти, третье – (40) для политики; только для тирании такого начала природа не создала, равно как и для остальных видов государственного устройства, являющихся отклонениями, потому что все эти виды противостественны. Из сказанного (1288a) ранее также ясно, что среди подобных и рапных полномочное господство одного над всеми не является ни полезным, ни справедливым независимо от того, есть ли законы или их нет и этот один сам олицетворяет закон, и независимо от того, хороший ли царствует над хорошими, или плохой над плохими, или (5) добродетельный над менее добродетельными. Последнее, впрочем, за исключением одного случая, который следует выделить и о котором нам отчасти пришлось говорить выше.

11. Но прежде всего следует определить, что должно разуметь под началами монархическим, аристократическим и политическим³⁶. Монархическое начало предполагает для своего осуществления такую народную массу, которая по своей природе призвана к тому, чтобы отдать управление государством представителю [с.483] какого-либо рода, возвышающемуся над нею своей (10) добродетелью. Аристократическое начало предполагает также народную массу, которая способна, не поступаясь своим достоинством свободнорожденных людей, отдать правление государством людям, призванным к тому благодаря их добродетели. Наконец, при осуществлении начала политики народная масса, будучи в состоянии и подчиняться и властвовать на основании (15) закона, распределяет должности среди состоятельных людей в соответствии с их заслугами. 12. Когда случится так, что либо весь род, либо один из всех будет отличаться и превосходить своей добродетелью добродетель всех прочих, вместе взятых, тогда по праву этот род должен быть царским родом, а один его представитель – полномочным владыкой и монархом: как (20) уже ранее было сказано, это будет согласно с тем правовым началом, на которое опираются те, кто обосновывает аристократический, олигархический и даже демократический вид государственного устройства; ведь они всюду признают право за превосходством, но не за любым превосходством, а за таким, какое мы обрисовали выше. 13. Такого выдающегося мужа действительно (25) непростиительно было бы убивать, или изгонять, или подвергать остракизму, равно как и требовать от него хотя бы частичного подчинения, ведь части несвойственно быть выше целого, а таким целым и является в нашем случае человек, имеющий такого рода пре-

восходство. Следовательно, остается одно: повиноваться такому человеку и признавать его полномочным владыкой без каких-либо ограничений.

(30) Вот наши соображения о царской власти – какие разновидности она имеет, полезна ли она для государства или нет и кому и в каких отношениях.

XII 1. Из трех видов государственного устройства, какие мы признаем правильными, наилучшим, конечно, является тот, в котором управление сосредоточено в руках наилучших. Это будет иметь место в том случае, (35) когда либо кто-нибудь один из общей массы, либо целый род, либо вся народная масса будет иметь превосходство в добродетели, когда притом одни будут в состоянии повелевать, другие – подчиняться ради наиболее желательного существования. В предыдущих рассуждениях было показано, что в наилучшем [с.484] государстве добродетель мужа и добродетель гражданина должны быть тождественны. Отсюда ясно, что таким (40) же точно образом и при помощи тех же самых средств, которые способствуют развитию дельного человека, можно было бы сделать таковым и государство, будет ли оно аристократическим или монархическим. 2. Почти (1288b) одно и то же воспитание, одни и те же навыки служат к усовершенствованию государственного мужа или царя. Установив это положение, мы должны попытаться сказать о наилучшем виде государственного устройства, (5) о том, каким способом он возникает и существует. [с.485]

Книга четвертая

<...> III³⁷ 1. Наличие нескольких видов государственного строя объясняется множественностью частей, из которых слагается всякое государство. Прежде всего, мы видим, что все государства состоят из семей, затем, из этой массы (30) семей одни семьи, конечно, бывают состоятельными, другие – бедными, третьи имеют средний достаток; из числа состоятельных и неимущих первые обладают оружием, вторые не обладают³⁸. Простой народ составляют в свою очередь земледельцы, торговцы, ремесленники; знатные опять-таки различаются по (35) степени своего богатства и по размерам принадлежащей им собственности, например держать коней человеку небогатому затруднительно. 2. Вот почему в древние времена в тех государствах, сила которых основывалась на коннице, был олигархический строй; при помощи конницы они вели войны со своими соседями. Так было, например, в Эретрии и Халкиде, а также в Магнесии на Меандре и во многих других малоазийских государствах. К отличиям, обусловливаемым богатством, присоединяются еще отличия по происхождению, (1290a) по добродетели, а также по иным подобного рода преимуществам, на которые мы указывали, когда, рассуждая об аристократии, говорили о ней как об одной из частей, составляющих государ-

³⁶ Т. е. относящимся к политике (как третьему нормальному виду государственного строя).

³⁷ Вся эта глава, за исключением последнего абзаца, заключена Зуземилем, а вслед за ним и Иммишем в квадратные скобки, т. е. признана позднейшей вставкой.

³⁸ С.А. Жебелев, как кажется, понимает эти слова в том смысле, что и имущие и неимущие делятся на вооруженных и невооруженных; другие отождествляют гоппитов с имущими, невооруженных – с неимущими.

ство³⁹. Там мы разбирали, сколько необходимых составных частей в каждом государстве; из них принимают участие в управлении (5) либо все, либо меньшая, либо большая часть.

3. Таким образом, ясна неизбежность существования нескольких видов государственного строя, по характеру своему отличающихся один от другого, так как и указанные нами составные части государства различаются между собой. Государственный строй есть порядок в области должностей; при нем все части находят себе место либо на основании свойств, присущих (10) им, либо в силу того или иного правила, обуславливающего их равенство с общей точки зрения (я имею в виду, например, правило, уравнивающее либо неимущих, либо состоятельных, либо общее для тех [с.490] и других)⁴⁰. Таким образом, неизбежно получается столько же видов государственного строя, сколько имеется способов управления в зависимости от превосходств и отличительных свойств, присущих составным частям государства.

4. Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два – демократия и олигархия, подобно тому как говорят главным образом (15) о двух ветрах – северном и южном, а на остальные смотрят как на отклонение от этих двух. Ведь аристократию считают некоей олигархией, а так называемую политию – демократией, подобно тому как и из ветров западный причисляют к северному, а восточный – (20) к южному. Также обстоит дело, по словам некоторых, и с тональностью: и в ней два вида – тональность дорийская и тональность фригийская, а остальные сочетания относятся одни к дорийской тональности, другие – к фригийской. 5. И относительно видов государственного устройства обыкновенно придерживаются указанного мнения. Но правильнее и лучше предлагаемое нами разделение, согласно которому существует (25) два или один вид прекрасного государственного устройства, а все остальные виды – отклонения от наилучшего, подобно тому как имеются такие же отклонения и от хорошо слаженной тональности; и мы склонны сопоставлять олигархические виды правления, которым присущ деспотизм, с более напряженным тоном, а демократические, дряблые – с ослабленным тоном.

(30) 6. Демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время⁴¹, просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы, потому что и в олигархиях, и вообще повсюду верховная власть принадлежит большинству; равным образом и под олигархией не следует разуметь такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках немногих. Положим, что государство состояло бы всего-навсего из тысячи трехсот (35) гра-

ждан; из них тысяча были бы богачами и не допускали к правлению остальных трехсот – бедняков, но людей свободнорожденных и во всех отношениях подобных той тысяче. Решится ли кто-нибудь утверждать, что граждане такого государства пользуются демократическим строем? Точно так же, если бы [с.491] немногие бедняки имели власть над большинством состоятельных, никто не назвал бы такого рода строй олигархическим, раз (40) остальные, будучи богатыми, не имели бы почетных прав. 7. И так, скорее следует назвать (1290b) демократическим строем такой, при котором верховная власть находится в руках свободнорожденных, а олигархическим – такой, когда она принадлежит богатым, и лишь случаю нужно приписать то, что одних много, а других немного. Ну а если бы должности, как это утверждает некоторыми относительно Эфиопии, распределялись (5) по росту, или по красоте, была ли бы это олигархия? А ведь красивых и высоких бывает очень много. 8. Нет, такими признаками не может быть определена достаточно точно сущность олигархии и демократии. Ввиду того что и демократия и олигархия заключают в себе много составных частей, то в разграничении их следует пойти дальше и признать, что олигархическим нельзя считать и такой строй, при котором (10) меньшинство свободнорожденных властвует над большинством несвободнорожденных, что, как мы видим, было, например, в Аполлонии на Ионийском море и на Фере. В обоих этих государствах почетными правами пользовались те, кто отличался своим благородным происхождением и был потомком первых поселенцев в этих государствах; они, понятно, составляли меньшинство среди массы населения. Нельзя считать демократическим и такой строй, при котором пользуются привилегированным положением богачи благодаря (15) тому, что они составляют большинство; так было в древности в Колофоне, где преобладающая часть граждан до войны с лидийцами приобрела большую недвижимую собственность. Таким образом, демократией следует считать такой строй, когда свободнорожденные и неимущие, составляя большинство, имеют верховную власть в своих руках, а олигархией – такой строй, при котором власть находится в руках людей (20) богатых и благородного происхождения и образующих меньшинство.

9. Мы указали, что существует несколько видов государственного устройства, и выяснили, от чего это зависит. Но что этих видов все-таки больше, чем перечисленных, и каковы они и почему – об этом мы и будем говорить, взяв за исходный пункт то, что было указано ранее. Мы согласились с тем, что всякое [с.492] государство заключает в себе не одну составную часть, (25) а несколько. Предположим, мы пожелаем бы разобраться в отдельных видах животного царства; в таком случае мы сперва поделили бы то, что необходимо должно иметь всякое животное, например органы чувств, органы для принятия пищи и для ее переваривания, т.е. рот и желудок; далее мы поделили бы те части, посредством которых животное движется. 10. Если бы у животных были только перечисленные (30) нами органы, но различные (например, несколько различных видов рта, желудка,

³⁹ В предшествующих книгах этого нет. О частях государства см. VII 8.

⁴⁰ Слова *e koinen tin' amphoin*, исключенные Пьером де ла Раме, С.А. Жебелев принимает в текст.

⁴¹ По предположению С.А. Жебелева, Аристотель имеет в виду Платона (Polit. 291d). Отрицает такую возможность Зуземиль.

органов чувств, движения), то в зависимости от числа, получающегося при сочетании этих различий, неизбежно получилось бы и несколько разновидностей животных, так как немисливо, чтобы одно и то же животное имело несколько разновидностей рта, ушей и тому подобного. Таким образом, если сопоставить все возможные сочетания этих разновидностей, то они и образуют виды животного царства, и этих видов окажется столько, сколько имеется сочетаний необходимых органов. 11. То же самое приложимо и к указанным видам государственного устройства. И государство, как на это неоднократно указывалось⁴², (40) имеет не одну, а многие составные части. Одна (1291a) из них – народная масса, производящая продукты питания; это так называемые земледельцы. Вторая – так называемые ремесленники, занимающиеся искусствами, без которых невозможно самое существование государства; из этих искусств одни должны существовать в силу необходимости, другие служат для роскоши или для того, чтобы украсить жизнь. Третья (5) часть – торговцы, а именно те, кто занимается куплей и продажей, оптовой и розничной торговлей. Четвертая часть – поденщики, пятая – военные. Существование последних не менее необходимо, чем существование упомянутых выше, если государство не желает оказаться под властью тех, кто на него нападает. Мы допустили бы невозможное, если бы считали, что государство, по природе рабское, достойно называться (10) государством, ведь государство есть нечто самодовлеющее, рабство же несовместимо с самодовлением.

12. В “Государстве”⁴³ вопрос этот разработан остроумно, но в недостаточной мере. Именно, Сократ говорит, что необходимейших составных частей у [с.493] государства четыре: он называет ткачей, земледельцев, (15) кожевников и плотников; но так как этого оказывается недостаточно для самодовлеющего существования государства, он присоединяет к ним кузнецов и пастухов, пасущих необходимые для домашнего обихода стада, а сверх того, добавляет оптовых и розничных торговцев. Все они, по мнению Сократа, заполняют собой первое государство, как будто всякое государство образуется лишь ради удовлетворения насущных потребностей, а не ради прекрасного существования и как будто для государства в равной степени потребны как (20) кожевники, так и земледельцы. 13. Военных же он вводит лишь с момента расширения территории и после того, как государство, войдя в соприкосновение с соседями, должно будет начать с ними войну. Но будет ли четыре или сколько угодно частей в государстве, все-таки окажется нужда в таком человеке, который решал бы судебным порядком тяжбы.

Если считать душу у одушевленного существа частью (25) более важной, нежели тело, то и в государстве душу должно признать более важной, чем все относящееся лишь к удовлетворению его насущных потребностей. А этой душой государства являются военные и те, на кого возложено отправление правосудия при судебном разбирательстве; сверх

того, совещающиеся о государственных делах, в чем и находит свое выражение политическая мудрость. И для дела довольно безразлично, поделены ли эти функции среди тех или (30) иных лиц, или же они объединены в руках одних и тех же: ведь и служить воинами, и обрабатывать землю зачастую приходится одним и тем же людям. 14. Поэтому если и то и другое следует признать необходимыми составными частями государства, то ясно, что и военные являются необходимой частью⁴⁴.

Седьмую часть составляют те, кто служит государству своим имуществом и кого мы вообще называем (35) состоятельными. Восьмую часть образуют те, кто служит народу, т.е. занимает государственные должности (без должностных лиц существование государств немисливо); необходимо иметь таких людей, которые могли бы быть должностными лицами, исполнять государственные повинности или непрерывно, или с соблюдением очереди. Остаются еще те части, о которых мы только что говорили, именно облеченные [с.494] законсовещательными (40) функциями и творящие суд между тяжущимися. Раз в государствах должны быть прекрасно и правомерно представлены власти законсовещательная (1291b) и судебная, необходимо, чтобы носители этих властей обладали добродетелью, которая свойственна политической деятельности. 15. Многим кажется, что остальные функции могут принадлежать одним и тем же лицам, что, например, одни и те же могут быть и воинами, и земледельцами, и ремесленниками, а (5) сверх того, и членами совета и судьями; так как все эти лица имеют в виду достижение добродетели, то они и могут занимать большую часть должностей. Но одни и те же люди не могут быть одновременно бедными и богатыми; вот почему эти части государства, т.е. богатые и неимущие, и признаются его существенными частями. И так как одни из них большей частью (10) на деле составляют меньшинство, а другие – большинство, то эти части и оказываются в государстве диаметрально противоположными одна другой, так что в зависимости от перевеса той или другой устанавливается и соответствующий вид государственного устройства. Поэтому и кажется, будто существуют только два вида государственного устройства: демократия и олигархия.

О том, что существует несколько видов государственного устройства и в силу каких причин, сказано (15) ранее. Теперь поговорим о том, что существует несколько видов демократии и олигархии.

IV 1. Это ясно и из предыдущих рассуждений, ведь есть разные виды простого народа, а также и так называемых знатных. Например, одной разновидностью простого народа являются земледельцы, другой – ремесленники, (20) третьей – торговцы, занимающиеся куплей и продажей, четвертой – моряки, из которых кто служит в военном флоте, кто – в торговом, кто занимается перевозкой, кто – рыболовством. В некоторых местах каждая из этих разновидностей бывает очень многочисленной, например ры-

⁴² См., напр., III 1.

⁴³ См. II 369b–371e.

⁴⁴ Далее в тексте, по-видимому, небольшой пропуск, который может был восполнен приблизительно так: “Это будет пятая составная часть государства; шестой частью являются жрецы”.

боловы в Таранте и в Византии, военные матросы в Афинах, матросы на торговых (25) судах на Эгине и на Хиосе, перевозчики на Тенедосе. К перечисленным подразделениям народа относятся и поденщики, которые, имея лишь скудные средства к жизни, не в состоянии пользоваться [с.495] досугом; затем свободные люди, происходящие не от обоих родителей-граждан, и, наконец, иные подобные разновидности народной массы. Знатные в свою очередь различаются по богатству, благородству происхождения, добродетели, образованию и тому подобным (30) отличительным признакам.

2. Характерным отличием так называемого первого вида демократии служит равенство. Равенство же, гласит основной закон этой демократии, состоит в том, что ни неимущие, ни состоятельные не имеют ни в чем каких-либо преимуществ; верховная власть не сосредоточена в руках тех или других, но те и другие равны. Если, как полагают некоторые, свобода и равенство (35) являются важнейшими признаками демократии, то это нашло бы свое осуществление главным образом в том, чтобы все непременно принимали участие в государственном управлении. А так как народ представляет в демократии большинство, постановления же большинства имеют решающее значение, то такого рода государственный строй и является демократическим. Итак, вот один вид демократии.

3. Другой ее вид – тот, при котором занятие должностей (40) обусловлено, хотя бы и невысоким, имущественным цензом. Обладающий им должен получить доступ к занятию должностей, потерявший ценз лишается этого (1292a) права. Третий вид демократии – тот, при котором все граждане, являющиеся бесспорно таковыми по своему происхождению, имеют право на занятие должностей, властвует же закон. Четвертый вид демократии – тот, при котором всякий, лишь бы он был гражданином, пользуется правом занимать должности, властвует же опять-таки закон⁴⁵. При пятом виде демократии (5) все остальные условия те же, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. 4. Это бывает в том случае, когда решающее значение будут иметь постановления народного собрания, а не закон. Достигается это через посредство демагогов. В тех демократических государствах, где решающее значение имеет закон, демагогам нет места, там на первом месте (10) стоят лучшие граждане; но там, где верховная власть основана не на законах, появляются демагоги. Народ становится тогда единодержавным, как единица, составленная из многих: верховная власть принадлежит многим, не каждому в отдельности, но всем [с.496] вместе. А какой вид многовластия имеет в виду Гомер, говоря, что многовластие – не благо⁴⁶, тот ли, который нами только что указан,

⁴⁵ Согласно объяснению Зуземиля (ч. II, с. 275), различие между третьим и четвертым видами демократии, по Аристотелю, состоит в том, что третий вид демократии предоставляет право занимать должности гражданам безукоризненного происхождения, т. е. тем, у кого оба родителя – граждане; четвертый же вид демократии допускает к занятию должностей и тех, у кого только отец – гражданин или мать – гражданка, а отец свободный, но не гражданин.

⁴⁶ См. II. II 204.

или тот, когда власть сосредоточена в руках нескольких людей, причем каждый (15) из них лично пользуется ею, остается неясным. 5. В этом случае простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию; поэтому и характер у них один и тот же: и крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления (20) такой демократии имеют то же значение, что в тирании распоряжения. Да и демагоги и льстецы в сущности одно и то же или во всяком случае схожи друг с другом; и те и другие имеют огромную силу – льстецы у тиранов, демагоги у описанной нами демократии. 6. Они повинны в том, что решающее значение (25) предоставляется не законам, а постановлениям народа, так как демагоги отдают на его решение все. И выходит так, что демагоги становятся могущественными вследствие сосредоточения верховной власти в руках народа, а они властвуют над его мнениями, так как народная масса находится у них в послушании. Сверх того, они, возводя обвинения на должностных лиц, говорят, что этих последних должен судить народ, (30) а он охотно принимает обвинения, так что значение всех должностных лиц сводится на нет. 7. По-видимому, такого рода демократии можно сделать вполне основательный упрек, что она не представляет собой государственного устройства: там, где отсутствует власть закона, нет и государственного устройства. Закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию⁴⁷ следует предоставлять обсуждение частных вопросов. Таким образом, если (35) демократия есть один из видов государственного устройства, то, очевидно, такое состояние, при котором все управляется постановлениями народного собрания, не может быть признано демократией в собственном смысле, ибо никакое постановление не может иметь общего характера.

Вот так должны быть разграничены отдельные виды демократии. [с.497]

V 1. Отличительный признак первого вида олигархии (40) состоит в следующем: занятие должностей обусловлено необходимостью иметь столь значительный имущественный ценз, что неимущие, хотя они представляют большинство, не допускаются к должностям; последние доступны только тем, кто приобрел (1292b) имущественный ценз. Другой вид олигархии – тот, когда доступ к должностям также обусловлен высоким имущественным цензом и когда люди, имеющие его, пополняют недостающих должностных лиц путем кооптации; если это производится из всех таких лиц, то такой строй, по-видимому, имеет аристократический оттенок; если же только из ограниченного числа, то (5) олигархический. При третьем виде олигархии сын вступает в должность вместо отца. Четвертый вид – когда име-

⁴⁷ С.А. Жебелев принимает здесь поправку Виламовица-Моллендорфа kai ten ekklesian вместо рукописного kai ten politeian (и гражданству).

ется налицо только что указанное условие и когда властвует не закон, а должностные лица; этот вид в олигархическом строе – то же, что в монархическом тирания, а в демократическом – то, что мы назвали (10) крайним его видом. Такого рода олигархию называют династией⁴⁸.

2. Вот сколько видов олигархии и демократии. Не следует забывать, что во многих местах государственное устройство в силу тамошних законов не демократическое, но является таковым в силу господствующих (15) обычаев и всего уклада жизни; точно так же в других государствах бывает обратное явление: по законам строй скорее демократический, а по укладу жизни и господствующим обычаям скорее олигархический. Подобного рода явления встречаются чаще всего после государственных переворотов, когда не сразу переходят к новому строю, но сначала предпочитают мелкие взаимные (20) уступки, так что существовавшие ранее законы остаются в силе, власть же имеют те, кто изменил государственное устройство.

3. Что существует столько видов демократии и олигархии, ясно из сказанного. Ведь неизбежно участие в управлении принимают либо все упомянутые части (25) народа, либо одни из них принимают участие, другие – нет. Когда управление государством возглавляют земледельцы и те, кто имеет средний достаток, тогда государство управляется законами. Они должны жить в труде, так как не могут оставаться праздными; [с.498] вследствие этого, поставив превыше всего закон, они собираются на народные собрания лишь в случае необходимости. Остальные граждане могут принимать участие в государственном управлении лишь после (30) приобретения установленного законами имущественного ценза: всякий, кто приобрел его, имеет право участвовать в государственном управлении. И если бы это право не было предоставлено всем, то получился бы олигархический строй; предоставить же всем возможность иметь досуг невозможно, коль скоро нет средств к жизни. Указанные причины и ведут к образованию первого вида демократии. 4. Второй вид демократии (35) отличается от первого следующими признаками: хотя все люди, в принадлежности которых к гражданам на основании их происхождения нет никакого сомнения, могут участвовать в управлении, однако участвуют только те, кто может иметь досуг; в такого рода демократии властвуют законы, потому что для необходимого досуга не хватает доходов. При третьем виде демократии принимать участие в управлении (40) могут все свободнорожденные, однако в действительности участвуют по указанной выше причине не все, так что и в такого рода демократии неизбежно властвует закон. Четвертый вид демократии – тот, (1293a) который по времени образования в государствах следует за предыдущими.

5. Вследствие увеличения государств по сравнению с начальными временами и вследствие того что появилось изобилие доходов, в государственном управлении принимают участие все, (5) опи-

раясь на превосходство народной массы, благодаря возможности и для неимущих пользоваться досугом, получая вознаграждение. И такого рода народная масса особенно пользуется досугом; забота о своих собственных делах нисколько не служит при этом препятствием, тогда как богатым именно эта забота и мешает, так что они очень часто не присутствуют на народных собраниях и судебных разбирательствах. (10) Отсюда и происходит то, что в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам. Вот сколько видов демократии и каковы они вследствие указанных неизбежных обстоятельств.

6. Виды олигархии следующие. Первый вид – когда собственность, не слишком большая, а умеренная, [с.499] находится в руках большинства; собственники в силу (15) этого имеют возможность принимать участие в государственном управлении; а поскольку число таких людей велико, то верховная власть неизбежно находится в руках не людей, но закона. Ведь в той мере, в какой они далеки от монархии, – если их собственность не столь значительна, чтобы они могли, не имея забот, пользоваться досугом, и не столь ничтожна, чтобы (20) они нуждались в содержании от государства, – они неизбежно будут требовать, чтобы у них господствовал закон, а не они сами. 7. Второй вид олигархии: число людей, обладающих собственностью, меньше числа людей при первом виде олигархии, но самый размер собственности больше; имея большую силу, эти собственники предъявляют и больше требований; поэтому они сами избирают из числа остальных граждан (25) тех, кто допускается к управлению; но вследствие того, что они не настолько еще сильны, чтобы управлять без закона, они устанавливают подходящий для них закон. 8. Если положение становится более напряженным в том отношении, что число собственников становится меньше, а самая собственность больше, то получается третий вид олигархии – все должности сосредоточиваются в руках собственников, причем закон повелевает, чтобы после их смерти сыновья наследовали (30) им в должностях. Когда же собственность их разрастается до огромных размеров и они приобретают себе массу сторонников, то получается династия, близкая к монархии, и тогда властителями становятся люди, а не закон – это и есть четвертый вид олигархии, соответствующий крайнему виду демократии.

(35) 9. Кроме демократии и олигархии есть еще два вида государственного устройства. Из них один все признают – да и у нас об этом сказано выше – одним из четырех видов государственного устройства. Эти четыре вида суть: монархия, олигархия, демократия и так называемая аристократия. Пятый вид государственного (40) устройства носит название, служащее обозначением государственного устройства вообще, – его называют просто политией. Этот вид встречается не часто, поэтому его и упускают из виду те, кто ставит своей задачей перечисление отдельных видов государственного устройства; в

⁴⁸ Такие *династии* существовали в Элиде и в некоторых беотийских городах. Ср. *Thuc.* III 62, 3.

своем перечислении они, как (1293b) и Платон, ограничиваются только четырьмя видами⁴⁹. [с.500]

10. Аристократией с полным основанием можно назвать тот вид государственного устройства, о котором речь шла в предыдущем рассуждении. Именно: аристократией по справедливости можно признавать только тот вид государственного устройства, когда управляют мужи, безусловно наилучшие с точки зрения (5) добродетели, а не те, кто доблестен при некоторых предпосылках; ведь только при этом виде государственного устройства хороший муж и хороший гражданин – одно и то же, тогда как при остальных хорошими бывают применительно к данному государственному строю. Однако существуют некоторые виды государственного устройства, отличающиеся от олигархических и от так называемой политики и именуемые (10) аристократическими. Это такие виды, при которых избрание на должности обуславливается не только богатством, но и высокими нравственными качествами (*aristinden*). 11. Такой вид государственного устройства отличается от обоих и носит имя аристократии. Ибо и в тех государствах, которые вообще не предъявляют особенных требований к добродетели граждан, встречаются все-таки люди, пользующиеся доброй славой и слышущие людьми порядочными. Там, (15) где государственное устройство считается и с богатством, и с добродетелью, и с народом, как, например, в Карфагене, это и есть аристократический строй; там, где принимаются в расчет только два из указанных условий, т.е. добродетель граждан и народ, как, например, в Лакедемонском государстве, получается смешение двух видов – демократического и основанного на добродетели. Таким образом, аристократическое устройство помимо его первого и наиболее совершенного вида имеет еще две указанные разновидности; (20) третьей же являются те виды так называемой политики, которые больше склоняются к олигархии.

VI 1. Нам остается сказать еще о так называемой политике и о тирании. Политик) мы отнесли сюда, хотя она, равно как и только что упомянутые разновидности аристократии, не является отклонением. По (25) правде сказать, все виды государственного устройства являются отклонениями от самого правильного из них⁵⁰, но последний обыкновенно помещают наряду с аристократическими видами; сравнительно с ним и с [с.501] аристократией другие виды государственного устройства являются уже отклонениями, как мы говорили в начале нашего рассуждения. Упомянуть же о тирании в самом конце

будет вполне разумно, потому что она менее всего соответствует представлению, соединяемому с государственным строем вообще. Наша же (30) задача – исследование видов именно государственного строя. Обосновав предложенную нами классификацию, мы должны обратиться к рассмотрению политики.

2. Сущность ее станет более ясной, после того как определен характер олигархии и демократии. Говоря попросту, политика является как бы смешением олигархии (35) и демократии. Те виды государственного строя, которые имеют уклон в сторону демократии, обычно называются политиями, а те, которые склоняются скорее в сторону олигархии, обыкновенно именуется аристократиями, потому что люди, имеющие больший имущественный достаток, чаще всего бывают и более образованными, и более благородного происхождения. Сверх того, представляется, что люди состоятельные уже имеют то, ради чего совершаются правонарушения; и уже одно это упорочивает за такими людьми (40) название людей безукоризненных и знатных.

3. Так как аристократический строй стремится доставить преобладание в государстве наилучшим из граждан, то, говорят, и в олигархиях большинство состоит из совершенных во всех отношениях людей. Да (1294a) и вообще кажется чем-то совершенно невозможным, чтобы оказалось благоустроенным такое государство, которое управляется не наилучшими, но дурными людьми, равно как невозможно, чтобы государство, не имеющее хороших законов, управлялось наилучшими людьми; ведь благозаконие состоит не в том, что законы хороши, да им никто не повинуется. Поэтому (5) следует допустить, что один вид благозакония состоит в том, что повинуются имеющимся законам, другой – в том, что законы, которых придерживаются, составлены прекрасно (ведь можно повиноваться и плохо составленным законам). Здесь возможны два случая: государства придерживаются либо наилучших возможных для них законов, либо наилучших в собственном смысле слова. 4. Сущность аристократического строя (10) заключается, по-видимому, в том, что при нем [с.502] почетные права распределяются в соответствии с добродетелью, ведь основой аристократии является добродетель, олигархии – богатство, демократии – свобода. А то, что верховную силу имеют решения большинства, свойственно всем видам государственного устройства, ведь что решит большинство из числа участвующих в государственном управлении, то и получает законную силу и в олигархии, и в аристократии, и в демократии. (15) Итак, в большей части государств с гордостью выставляют вперед политику как обозначение вида их государственного устройства, поскольку смешивают состоятельных и неимущих, богатых и свободных, ведь, кажется, в глазах едва ли не большинства состоятельные занимают место совершенных во всех отношениях людей. 5. Так как в государственном (20) строе три начала притязают на равную значимость – свобода, богатство, добродетель (четвертое – благородство происхождения – сопровождает два последних, ведь благородство есть старинная доблесть и богатство), то ясно, что политией следует называть такой государст-

⁴⁹ Аристотель, возможно, имеет в виду *Pl. Legg.* 712c: “Итак, какого рода государственный строй установим мы мысленно в нашем государстве?.. Говоришь ли ты о демократии, олигархии, аристократии или о царской власти? Ведь не о тирании же в самом деле станешь ты говорить!” В диалоге “Политик” (291de, 302cde) речь идет в сущности о шести видах государственного строя, полностью совпадающих с соответствующими видами в классификации Аристотеля.

⁵⁰ Под самым правильным видом государственного устройства С.А. Жебелев понимает в данном месте так называемую политику; другое толкование: имеется в виду подлинная аристократия (обоснование этого толкования см. в кн.: *Доватур А.* Политика и Полития Аристотеля. М.–Л., 1965. С. 67 сл.).

венный строй, при котором имеется смешение двух начал – состоятельных и неимущих, а смешение трех начал следует называть аристократией преимущественно перед другими видами государственного (25) устройства, исключая лишь истинный и первый ее вид.

Мы сказали, что существуют и другие виды государственного устройства помимо монархии, демократии и олигархии, указали на их сущность и на то, чем отличаются один от другого виды аристократии и чем отличаются политики от аристократии; ясно, что политика и аристократия не далеки одна от другой.

[...]

(25) IX 1. Какой же вид государственного устройства наилучший? Как может быть наилучшим образом устроена жизнь для большей части государств и для большинства людей безотносительно к добродетели, превышающей Добродетель обыкновенного человека, безотносительно к воспитанию, для которого потребны природные дарования и счастливое стечение обстоятельств, безотносительно к самому желательному строю, но применительно лишь к той житейской обстановке, (30) которая доступна большинству, и к такому государственному устройству, которое оказывается приемлемым для большей части государств? 2. Различные виды так называемой аристократии, о которых мы только что говорили, отчасти малоприменимы [с.506] в большинстве государств, отчасти приближаются к так называемой политике (почему и следует говорить об этих видах как об одном).

(35) Суждение обо всех поставленных вопросах основывается на одних и тех же исходных положениях. Если верно сказано в нашей “Этике”⁵¹, что та жизнь блаженна, при которой нет препятствий к осуществлению добродетели, и что добродетель есть середина, то нужно признать, что наилучшей жизнью будет именно средняя жизнь, такая, при которой середина может быть достигнута каждым. 3. Необходимо установить (40) то же самое мерило как для добродетели, так и для порочности государства и его устройства: ведь устройство (1295b) государства – это его жизнь.

В каждом государстве есть три части: очень состоятельные, крайне неимущие и третьи, стоящие посредине между теми и другими. Так как, по общепринятому мнению, умеренность и середина – наилучшее, (5) то, очевидно, и средний достаток из всех благ всего лучше. 4. При наличии его легче всего повиноваться доводам разума; напротив, трудно следовать этим доводам человеку сверхпрекрасному, сверхсильному, сверхзнатному, сверхбогатому или, наоборот, человеку сверхбедному, сверхслабому, сверхуниженному по своему общественному положению. Люди первого типа становятся по преимуществу наглецами и крупными (10) мерзавцами. Люди второго типа часто делаются злодеями и мелкими мерзавцами. А из преступлений одни совершаются из-за наглости, другие – вследствие подлости. Сверх

того, люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то и другое приносит государствам вред. 5. Далее, люди первого типа, имея избыток благополучия, (15) силы, богатства дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах. Поведение людей второго типа из-за их крайней необеспеченности чрезвычайно униженное. Таким образом, одни (20) не способны властвовать и умеют подчиняться только той власти, которая проявляется у господ над рабами; другие же не способны подчиняться никакой власти, а властвовать умеют только так, как властвуют господа [с.507] над рабами. 6. Получается государство, состоящее из рабов и господ, а не из свободных людей, государство, где одни исполнены зависти, другие – презрения. А такого рода чувства очень далеки от чувства дружбы в политическом общении, которое должно заключать в себе дружественное начало. Упомянутые (25) же нами люди не желают даже идти по одной дороге со своими противниками.

Государство более всего стремится к тому, чтобы все в нем были равны и одинаковы, а это свойственно преимущественно людям средним. Таким образом, если исходить из естественного, по нашему утверждению, состава государства, неизбежно следует, что государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй. Эти граждане по преимуществу и остаются в государствах целыми и (30) невредимыми. Они не стремятся к чужому добру, как бедняки, а прочие не посягают на то, что этим принадлежит, подобно тому как бедняки стремятся к имуществу богатых. И так как никто на них и они ни на кого не злоумышляют, то и жизнь их протекает в безопасности. Поэтому прекрасное пожелание высказал Фокилид: “У средних множество благ, в государстве (35) желаю быть средним”⁵². 8. Итак, ясно, что наилучшее государственное общение – то, которое достигается посредством средних, и те государства имеют хороший строй, где средние представлены в большем количестве, где они – в лучшем случае – сильнее обеих крайностей или по крайней мере каждой из них в отдельности. Соединившись с той или другой крайностью, они обеспечивают равновесие и препятствуют перевесу противников. Поэтому величайшим (40) благополучием для государства является то, чтобы его граждане обладали собственностью средней, но достаточной; (1296a) а в тех случаях, когда одни владеют слишком многим, другие же ничего не имеют, возникает либо крайняя демократия, либо олигархия в чистом виде, либо тирания, именно под влиянием противоположных крайностей. Ведь тирания образуется как из чрезвычайно распушенной демократии, так и из олигархии, (5) значительно реже – из средних видов государственного строя и тех, что сродни

⁵¹ См., напр., EN 1101a14; 1153b9 сл.

⁵² Фокилид – лирический поэт, родом из Милета, живший в середине VI в. до н.э. Fr. 12 Bergk (= fr. 12 Diehl).

им⁵³. О причинах этого мы поговорим позднее, когда будем рассуждать о государственных переворотах. [с.508]

9. Итак, очевидно, средний вид государственного строя наилучший, ибо только он не ведет к внутренним распрям; там, где средние граждане многочисленны, всего реже бывают среди граждан группировки и (10) раздоры. И крупные государства по той же самой причине – именно потому, что в них многочисленны средние граждане, – менее подвержены распрям; в небольших же государствах население легче разделяется на две стороны, между которыми не остается места для средних, и почти все становятся там либо бедняками, либо богачами. Демократии в свою очередь (15) пользуются большей в сравнении с олигархиями безопасностью; существование их более долговечно благодаря наличию в них средних граждан (их больше, и они более причастны к почетным правам в демократиях, нежели в олигархиях). Но когда за отсутствием средних граждан неимущие подавляют своей многочисленностью, государство оказывается в злополучном состоянии и быстро идет к гибели.

10. В доказательство выдвинутого нами положения можно привести и то, что наилучшие законодатели вышли из граждан среднего круга: оттуда происходили (20) Солон (что видно из его стихотворений), Ликург (царем он не был), Харонд и почти большая часть остальных. Теперь ясно и то, почему в большинстве случаев государственный строй бывает либо демократическим, либо олигархическим. Вследствие того что средние занимают в государствах зачастую незначительное место, те из двух, которые их превосходят, – (25) либо крупные собственники, либо простой народ, – отделившись от среднего состояния, перетягивают государственный порядок на свою сторону, так что получается либо демократия, либо олигархия. 11. Так как, сверх того, между простым народом и состоятельными возникают распри и борьба, то, кому из них удастся одолеть противника, те и определяют (30) государственное устройство, причем не общее и основанное на равенстве, а на чьей стороне оказалась победа, те и получают перевес в государственном строе в качестве награды за победу, и одни устанавливают демократию, другие – олигархию. И те два греческих государства, которым принадлежало главенство в Греции⁵⁴, насаждали в соответствии со своим государственным устройством в других государствах одно – [с.509] (35) демократию, другое – олигархию, причем считались с выгодой не этих двух государств, но лишь со своей собственной. 12. В силу указанных причин средний государственный строй либо никогда не встречается, либо редко и у немногих. Один лишь муж в противоположность тем, кто прежде осуществлял главенство, (40) дал себя убедить ввести этот строй⁵⁵. Вообще же в (1296b) государствах

установилось такое обыкновение: равенства не желать, но либо стремиться властвовать, либо жить в подчинении, терпеливо перенося его.

Из сказанного ясно, каково наилучшее государственное устройство и по какой причине.

13. После того как нами определено наилучшее государственное (5) устройство, нетрудно усмотреть, какое из остальных устройств, демократических и олигархических (а разновидностей их, по нашему утверждению, несколько), следует поставить на первое место за наилучшим, какое – на второе и так далее в зависимости от того, насколько то и другое и так далее оказываются относительно лучшими или худшими. Лучшим видом государственного устройства всегда будет то, которое будет приближаться к совершеннейшему, а худшим – то, которое будет более удаляться от среднего. Исключается тот случай, когда кто-либо станет обсуждать этот вопрос в зависимости от тех (10) или иных предпосылок. Я говорю “в зависимости от тех или иных предпосылок” потому, что зачастую не бывает никаких препятствий к тому, чтобы некоторые государства вместо другого, более предпочтительного самого по себе устройства пользовались иным, но для него полезным устройством.

X 1. В непосредственной связи с рассмотренными вопросами подлежит рассмотрению и вопрос: какое государственное устройство для кого подходит и каков его характер? Сначала следует установить общее правило (15) для всех видов государственных устройств вообще: сторонники того или иного строя в государстве должны быть сильнее его противников. Всякое государство должно рассматриваться со стороны качества и количества. Под качеством я разумею свободу, богатство, образованность, благородство происхождения; под количеством – численное превосходство массы [с.510] населения. 2. Может случиться, что одна из частей, составляющих (20) государство, будет обладать качественным преимуществом, а другая – количественным; так, например, люди безродные будут превосходить своей численностью людей благородного происхождения, либо неимущие будут превосходить богатых, однако это количественное превосходство не должно быть таким же большим, как качественное превосходство благородных и богатых. Приходится поэтому оба этих превосходства (25) уравнивать. Где количество неимущих превосходит указанное соотношение, там, естественно, рождается демократия, именно отдельные виды ее в зависимости от превосходства того или иного вида простого народа: например, если перевес будет на стороне массы земледельцев, то возникнет первый из видов демократического строя, а где перевес на стороне (30) ремесленников и поденщиков, там образуется крайний из видов демо-

⁵³ Т.е. умеренных форм демократии и олигархии.

⁵⁴ Афинское и Спартанское.

⁵⁵ Слова *те, кто прежде осуществлял главенство*, заключенные Иммишем (вслед за Джоуэттом) в квадратные скобки, нет основания исключать из текста. Обычно ищут упомянутого здесь единственного мужа среди государственных людей греческих государств

(при этом чаще всего думают о Солоне), хотя ни один из них не осуществлял главенства (гегемонию) над Элладой. Ряд соображений филологического и исторического порядка заставляет отказаться от такого понимания (принятого и в переводе С.А. Жебелева): “Один лишь муж из числа стоявших некогда у кормила правления...” При нашем толковании эти слова могут относиться только к Александру Македонскому. Обо всем этом см. *Доватур* А. Указ. соч. С. 46 слл.

кратического строя. Таким же образом и другие, промежуточные виды. 3. Там, где качественный вес состоятельных и знатных перевешивает их количественный недостаток, возникает олигархический строй, именно отдельные виды его, опять-таки в соответствии с перевесом сочувствующего олигархии населения. (35) Законодатель должен при создании того или иного государственного устройства постоянно привлекать к себе средних граждан: если он будет издавать законы олигархического характера, он должен иметь в виду средних; если законы в демократическом духе, он должен приучать к ним средних. 4. Только там, где в составе населения средние имеют перевес (40) либо над обеими крайностями, либо над одной из них, государственный строй может рассчитывать на устойчивость; (1297a) не может быть опасения, что богатые, войдя в соглашение с бедными, ополчатся на средних: никогда ни те ни другие не согласятся быть рабами друг друга; если же они будут стремиться создать такое положение, какое удовлетворило бы и тех и других, то им не найти никакого иного государственного устройства, помимо среднего. Править по очереди (5) они не согласились бы из-за недоверия друг к другу. Между тем посредники пользуются повсюду наибольшим доверием, а посредниками и являются в данном случае люди средние. И чем государственное устройство будет лучше смешано, тем оно окажется [c.511] устойчивее. 5. Многие законодатели, в том числе те, которые имеют в виду установление аристократического строя, терпят неудачу не только вследствие того, что они предоставляют слишком много преимуществ (10) состоятельным, но и потому, что при этом они стараются обойти простой народ. Ведь с течением времени из ложно понятого блага неизбежно последует истинное зло, и государственный строй губит скорее алчность богатых, нежели простого народа.

6. Существует пять видов ухищрений, посредством (15) которых в государственном управлении считают возможным добиться расположения простого народа. Они относятся к области устройства народного собрания, должностей, судебных установлений, войска и гимнастических упражнений. Что касается народного собрания, то право участвовать в нем предоставляется всем, причем на богатых в случае уклонения с их стороны налагается денежный штраф; либо его должны (20) уплачивать одни только богатые, либо их штрафуют сильнее. В деле замещения должностей лица, обладающие определенным имущественным цензом, не имеют права от этих должностей отказываться, бедняки же это право имеют. За уклонение от исполнения судебных обязанностей на состоятельных налагается штраф, бедные освобождены от него, или, как в законодательстве Харонда, на богатых налагается крупный штраф, на бедных – мелкий. 7. В некоторых государствах (25) все, кто числится в гражданских списках, получают право участвовать в народном собрании и суде⁵⁶, а если они после занесения в гражданские списки,

будут уклоняться от исполнения той и другой обязанности, на них налагается большой денежный штраф. Делается это, с одной стороны, с той целью чтобы удержать их угрозой штрафа от записи в гражданские списки; с другой – раз они не запишутся в гражданские списки, то теряют право участвовать в суде и в народном собрании. И относительно права иметь оружие и принимать участие в гимнастических (30) упражнениях руководствуются в законодательствах теми же самыми соображениями: неимущим дозволяется не приобретать оружие, богатые же караются штрафом, если не приобретут его. За уклонение от гимнастических упражнений на бедных не налагается никакого штрафа, богатые же платят штраф, чтобы [c.512] одни под угрозой штрафа принимали участие в гимнастических упражнениях, другие же, которым ничего за уклонение не грозит, не принимали в них участия. (35) Это всё – олигархические ухищрения в области законодательства.

8. В демократиях этим ухищрениям противопоставляются другие: за участие в народном собрании и в суде неимущим платят вознаграждение, состоятельные же никакому штрафу не подлежат. Кто желает в данном случае прийти к правильному смешению, (40) очевидно, должен объединить в одно оба этих правила: одним выплачивать вознаграждение за исполнение обязанностей, других штрафовать за уклонение от них, потому что только в таком случае все участвовали бы в государственной жизни; иначе управление ею будет (1297b) находиться в руках только каких-либо одних. Впрочем, управление государством должно принадлежать исключительно людям, имеющим возможность приобрести оружие на собственный счет; что же касается имущественного ценза, то невозможно установить его количественное мерило, однако следует наладить дело так, чтобы этот ценз был возможно более высоким, но (5) вместе с тем и таким, чтобы число людей, которые могут принимать участие в государственном управлении, все-таки превышало число тех, кто лишен этого права. 9. Дело в том, что бедные, хотя бы они и были лишены почетных прав, все-таки остаются спокойными, если никто их не оскорбляет и не отнимает у них того, что им принадлежит. Но устроить это дело – задача нелегкая, потому что те, кто стоит у кормила (10) правления, не всегда бывают людьми тонкими. И обыкновенно при наступлении военного времени бедняки остаются равнодушными, если только не давать им содержания; если же такое содержание им дадут, они готовы идти сражаться.

10. В некоторых государствах полноправными гражданами считаются не только те, кто служит в данное время в тяжеловооруженном войске, но и те, кто уже отслужил свой срок. Так, у малайцев полноправными (15) гражданами были именно такие, а должностными лицами избирали только состоявших на действительной военной службе. И в Греции, после упразднения монархического строя полноправными гражданами были в первое время воины, а именно [c.513] вначале – всадники; объясняется это

⁵⁶ В Афинах, граждане по достижении ими 20 лет вносились в особый “список народного собрания” и с этого момента пользовались всеми гражданскими правами, за исключением доступа к

должностям и в совет, что допускалось только с 30-летнего возраста.

тем, что тогда на войне силу и перевес давала конница, а тяжеловооруженная пехота за отсутствием в ней правильного (20) устройства была бесполезна: опытности в деле устройства пехоты, равно как и выработанных правил тактики, у древних не было, почему всю силу они и полагали в коннице. С ростом государств и тяжеловооруженная пехота получила большее значение, а это повлекло за собой участие в государственном управлении большего числа граждан. Вот почему древние называли (25) демократиями те виды государственного строя, которые мы теперь называем политиями. 11. На самом же деле, конечно, архаические виды государственного строя относятся к числу олигархических и монархических. Вследствие малолюдства более или менее значительного числа средних граждан у них не существовало; многочисленные и неорганизованные, они были более склонны оставаться в подчинении.

Теперь мы знаем причину существования нескольких (30) видов государственного строя; знаем, почему помимо нами указанных существуют и иные виды (ведь как демократий, так и других видов существует не один); знаем, каковы между ними различия и чем эти различия объясняются; сверх того, знаем, какой вид государственного устройства должен быть признан с общей точки зрения наилучшим и какой вид из остальных к каким государствам наиболее подходит.

Книга седьмая

[...]

(5) П 1. Остается разобрать, следует ли признать, что счастье каждого отдельного человека и счастье государства тождественны или что не тождественны. Ответ на это ясен, так как, по-видимому, все согласны с тем, что тождественны. Кто полагает счастливую жизнь одного человека в богатстве, тот признает счастливым (10) и целое государство, если оно будет богатым. Кто всего более почитает жизнь тирана, тот готов [с.590] признать самым счастливым такое государство, чья власть распространяется на очень многих. Кто, наконец, оценивает одного человека в зависимости от присущей ему добродетели, тот будет считать более счастливым более благонравное государство. 2. Но здесь возникают два вопроса, требующие разъяснения: (15) один – какая жизнь заслуживает предпочтения, та ли, которая объединяет людей в одном государстве и приобщает их к нему, или, скорее, жизнь чужестранца, стоящего вне государственного общения? И второй – какой государственный строй, какую государственную организацию должно признать наилучшей, ту ли, при которой для всех желательно участвовать в государственной жизни, или ту, при которой это желательно для некоторых, но не для большинства?⁵⁷ Ввиду того (20) что делом политического размышления и рассмотрения является именно это, а не то, что предпочтительно для каждого отдельного человека, в нашем исследовании мы теперь будем заниматься преимущественно рассмотрением второго вопроса, считая его основным; первый же вопрос отнесем к числу второстепенных.

3. Итак, ясно, что наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого (25) дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо. Но даже те, которые согласны в том, что всего более предпочтительна жизнь, согласная с требованиями добродетели, спорят, чему отдать предпочтение: политической ли и практически деятельной (politikos kai praktikos) жизни или такой жизни, которая свободна от всякой внешней деятельности, например той созерцательной жизни, какую некоторые (30) только и считают достойной философа. Легко видеть, что люди, всего выше ставящие достоинство и честь, почти всегда избирают один из этих двух образов жизни – практически деятельный и философский; так было раньше, так обстоит дело и теперь. 4. Далеко не безразлично знать, на чьей стороне истина, так как и всякий верно мыслящий человек, и государство в целом должны, разумеется, сообразоваться с наилучше (35) поставленной целью жизни. По мнению одних, властвовать над своими ближними деспотически – дело величайшей несправедливости, властвовать же над ними по-граждански хотя и не включает в себе ничего несправедливого, но препятствует счастливому [с.591] существованию самого властителя⁵⁸. Совершенно противоположно мнение других: практически деятельная и государственная (40) жизнь только и подходит для мужа, потому что в применении каждой добродетели открывается большое поле деятельности не для частного человека, но только для того, кто занимается общественными (1324b) и государственными делами⁵⁹. 5. Одни думают так, другие же утверждают, что счастливым является только деспотический и тиранический вид государственного строя. Затем, у некоторых отличительной чертой государственного строя и законов⁶⁰ является то, (5) что они имеют целью господство над соседями. Поэтому, тогда как в большинстве случаев законы в своей значительной части находятся, так сказать, в хаотическом состоянии, все же там, где они имеют в виду какую-нибудь определенную цель, они все направлены к господству над другими. Так, в Лакедемонии и на Крите почти все воспитание и масса законов рассчитаны (10) на войну. Также и у всех негреческих племен, достаточно сильных, чтобы иметь превосходство над другими, военная мощь имеет большое значение, например у скифов, персов, фракийцев, кельтов. У некоторых имеются определенные законы, поощряющие эту добродетель, например в Карфагене, где,

⁵⁸ См., напр., *Is. Ep. VI 11*: “Мне представляется, что жизнь частного человека следует предпочесть жизни тирана; я также считаю, что почести, воздаваемые гражданам политий, являются более приятными, чем пожалованные монархами”, пер. В.Г. Боруховича и Т.В. Прушакевич. (Вестник древней истории. – 1969. – № 2. – С. 192).

⁵⁹ См. *Pl. Meno 71e*: “...добродетель мужчины... в том, чтобы справляться с государственными делами...” (пер. С.А. Ошерова).

⁶⁰ С.А. Жебелев принимает рукописное чтение *d'hoytos kai ton nomon kai tes politeias horos* вместо чтения Иммиша *de kai tes politeias hoytos horos* (“отличительной чертой законов государственного строя”).

⁵⁷ Сохраняем рукописное чтение (в согласии со всеми издателями), дающее хороший смысл.

говорят, считается знаком отличия украшение, состоящее из (15) колец по числу проделанных походов. И в Македонии был в старину закон, в силу которого человек, не убивший ни одного неприятеля, должен был подпоясываться недоуздом. У скифов такой человек не имел права во время одного праздника пить из круговой чаши. У воинственного племени иберов вколачивают (20) вокруг могилы умершего столько кольев, сколько он истребил врагов. И у других существует многое подобное, отчасти установленное законами, отчасти освященное обычаями. 7. Правда, могло бы показаться при ближайшем рассмотрении весьма нелепым, если бы главная задача государственного деятеля заключалась (25) в изыскании средств властвовать и господствовать над соседями, безразлично, желают ли они этого или не желают. В самом деле, каким образом могло бы считаться задачей государственного деятеля или законодателя то, что само по себе незаконно? Не может быть законным властвование не только по праву, но и вопреки праву, а подчиняться возможно и вопреки праву. [с.592]

8. Ничего подобного мы не усматриваем в остальных (30) областях знания. Ни врач, ни кормчий не ставят своей задачей либо убеждать, либо принуждать силой, один – больных, другой – тех, кого он везет. Однако задачей политики большинство людей считает, по-видимому, деспотическое властвование и не стыдится допускать по отношению к остальным людям такие действия, какие по отношению к самим себе они не считают ни справедливыми, ни полезными; у себя они (35) стремятся к справедливой власти, а по отношению к остальным у них о справедливости нет никакой заботы.

9. Если, однако, по природе одним свойственно быть под деспотической властью, а другим не свойственно быть под такой властью, то, раз дело обстоит так, нелепо стремиться к деспотической власти над всеми, но можно только над теми, кому свойственно подлежать ей; ведь для того, чтобы устроить пир (40) или жертвоприношение, нужно устраивать охоту не на людей, а лишь на те существа, которым свойственно быть предметом охоты, а таковыми являются дикие животные, притом такие, чье мясо съедобно. Далее, и совершенно (1325a) изолированное государство могло бы оказаться счастливым само по себе в том случае, когда его устройство бесспорно прекрасно, коль скоро возможно вообще существование такого государства, политический строй которого не направлен на войну и одоление (5) врагов – ведь всего этого может и не быть.

10. Отсюда, таким образом, следует, что нужно заботу о военных делах считать прекрасной, но не высшей и главной целью всего, а лишь средством к ее достижению. Законодатель должен стремиться увидеть государство, тот или иной род людей и вообще всякое иное общество людей наслаждающимися благой жизнью (10) и возможным для них счастьем. Конечно, некоторые из устанавливаемых законов будут далеко не одинаковы; и от законодателя зависит предусмотреть, какие меры следует принимать по отношению к каким соседям, если таковые имеются и каким образом нужно применять к каж-

дому подобные меры. Впрочем, вопрос об этом будет должным образом разобран (15) ниже, когда мы будем исследовать, какие цели должен преследовать наилучший государственный строй. [с.593]

[...]

IV 1. После того как мы предпослали в качестве введения сказанное выше, а об остальных видах государственного устройства представили наши соображения (35) ранее, пора обратиться к рассмотрению того, что нам осталось исследовать, и прежде всего выяснить, какие требования должны быть предварительно выдвинуты для государства, которое имело бы желательное устройство. Ведь наилучший государственный строй не может возникнуть без соответствующих внешних условий. Поэтому мы вправе выдвинуть много такого рода предварительных условий в качестве желательных, но ни одно из них, разумеется, не должно быть неисполнимым. (40) Я имею в виду, например, вопросы о количестве граждан, о размере территории.

2. Всякого рода ремесленник, например ткач, кораблестроитель, (1326a) должен иметь в своем распоряжении материал, пригодный для его работы; и чем лучшего изготовления будет этот материал, тем, разумеется, прекраснее будут и произведения ремесла. Точно так же и в распоряжении государственного деятеля и законодателя (5) должен быть соответствующий и пригодный материал. Первым условием для обеспечения существования государства является совокупность граждан; возникает вопрос, как велико должно быть их количество, какие они должны иметь природные качества, точно так же какого размера должна быть территория и каковы должны быть ее свойства.

3. Большинство полагает, что счастливое государство должно быть большим по своим размерам. Но если (10) даже это мнение справедливо, все же они не понимают того, какое государство является большим и какое меньшим. Величину государства они измеряют количеством его населения; но скорее нужно обращать внимание не на количество, а на возможности. Ведь и у государства есть свои задачи, а потому величайшим государством следует признать такое, которое в состоянии выполнить эти задачи наилучшим образом. (15) Так, Гиппократ можно назвать большим как врача, а не как человека по сравнению с другим, отличающимся от него более высоким ростом. 4. Но если [с.596] даже мерилом должно считаться количество, все же нельзя руководиться при этом случайным количеством (ведь в государствах неизбежно имеется большое число (20) рабов, также метеков и иноземцев), но следует принимать в расчет только то население, которое составляет часть государства и является его существенной принадлежностью. Избыток такого рода населения действительно служит признаком большого государства, а то государство, в котором много ремесленников, но мало тяжеловооруженных, нельзя считать государством (25) большим: ведь не одно и то же – большое государство и многонаселенное.

5. Опыт подсказывает, однако, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими закона-

ми; по крайней мере мы видим, что все те государства, чье устройство слывет прекрасным, не допускают чрезмерного увеличения своего народонаселения. Это ясно и на основании (30) логических соображений: ведь закон есть некий порядок; благозаконие, несомненно, есть хороший порядок; а чрезмерно большое количество не допускает порядка. Это было бы делом божественной силы, которая скрепляет единство и этой вселенной (οἰκοῦμεναι). 6. Прекрасное обыкновенно находит свое воплощение в количестве и величине; поэтому и то государство, в котором объединяются величина и (35) указанный выше предел⁶¹, неизбежно является прекраснейшим. Однако же и для величины государства, как и всего прочего – животных, растений, орудий, существует известная мера. В самом деле, каждое из них, будучи чрезвычайно малым или выдаваясь своей величиной, не будет в состоянии осуществлять присущие ему возможности, но в одном случае совершенно утратит свои естественные свойства, в другом – придет (40) в плохое состояние. Так, например, судно в одну и пядь не будет вообще судном, равно как и судно в два стадия⁶²; судно, доведенное до определенных размеров, будет совершать плохое плавание в одном случае (1326b) из-за малых размеров, в другом – из-за чрезмерных.

7. Равным образом и государство с крайне малочисленным населением не может довести себя (а государство есть нечто самодовлеющее). Государство с чрезмерно большим населением, правда, является [с.597] самодовлеющим в отношении удовлетворения насущных (5) потребностей, однако же оно скорее племенная единица, нежели государственная, так как ему нелегко иметь какое-либо правильное устройство. Действительно, кто станет военачальником такого до чрезвычайных размеров возросшего множества, кто будет глашатаем, если он не обладает голосом Стентора?⁶³ Отсюда следует, что в своем первоначальном виде государство должно заключать в себе такое количество населения, какое было бы прежде всего самодовлеющим для устройства благой жизни на началах политического (10) общения. Возможно и такое государство, которое, превосходя первое по количеству населения, будет больше его; но, как мы уже указали, это увеличение населения не должно быть безграничным. А какова граница избытка населения, легко усмотреть, исходя из действительного положения дел. Деятельность государства распределяется между властвующими и подчиненными; задача первых – давать распоряжения и выносить судебные решения. Для того чтобы выносить (15) решения на основе справедливости и для того чтобы распределять должности по достоинству, граждане непременно должны знать друг друга – какими качествами они обладают; где этого не бывает, там и с замещением должностей, и с судебными

⁶¹ В смысле количества населения.

⁶² Пядь – ок. 17,78 см; локоть – ок. 38–46 см.; стадий – около 189 м (по Геродоту).

⁶³ Стентор – глашатай в “Илиаде”, о котором сказано: ...Стентора, мощного, медноголового мужа, Так вопиющего, как пятьдесят совокупно другие... (V 785 сл., пер. Н.И. Гнедича).

разбирательствами дело неизбежно обстоит плохо. Ведь и в (20) том и в другом случае действовать не-обдуманно – несправедливо, а это явно имеет место при многолюдстве. 8. Сверх того, и иноземцам и мектам легко присваивать себе права гражданства, так как нетрудно проделать это незаметно именно вследствие избытка населения. Таким образом, ясно, что наилучшим пределом для государства является следующий: возможно большее количество населения в целях самодовлеющего его существования, притом легко обозримое. Вот (25) как мы определяем величину государства.

V 1. Приблизительно так обстоит дело и с вопросом о территории. Что касается ее свойств, то, очевидно, всякий одобрил бы такую территорию, которая обеспечивает государству наибольшее самодовление. Таковой является территория, приносящая всякого рода продукты, так как самодовление и заключается в (30) том, чтобы ни в чем не было недостатка. Размеры [с.598] территории должны быть такими, чтобы население ее имело возможность проводить жизнь, пользуясь досугом, наслаждаясь свободой и вместе с тем воздержно. Правильно или неправильно даваемое нами теперь определение, это мы обстоятельнее рассмотрим впоследствии⁶⁴, когда придется говорить вообще о собственности (35) и об имущественном достатке, именно как и каким образом следует ими пользоваться. При обсуждении этого вопроса возникает немало споров, так как люди в этом отношении впадают в ту или иную крайность: одни ударяются в скряжничество, другие – в роскошь.

2. Общий характер территории определить нетрудно (40) (ведь следует считаться и с некоторыми указаниями людей, сведущих в стратегии): она должна быть труднодоступна для вторжения, но иметь удобные выходы. (1327a) Сверх того, подобно тому как население государства, по нашему утверждению, должно быть легко обозримо, так легко обозрима должна быть и территория; “легко обозрима” значит, что ее легко можно защищать. Город, если его местоположение должно соответствовать наилучшим пожеланиям, надлежит устроить так, чтобы он был расположен одинаково хорошо (5) и по отношению к морю, и по отношению к остальной территории государства. При этом нужно принять во внимание одно условие, ранее уже указанное: город должен представлять собой среди всего окружающего пространства центральный пункт, из которого было бы возможно выслать помощь во все стороны. Другое условие – чтобы в город можно было легко доставлять получаемые продукты; далее, чтобы был удобный подвоз к нему лесных и всяких других (10) материалов для обработки, имеющихся в стране.

3. Есть много разногласий по поводу того, полезна или вредна для государств, управляемых хорошими законами, близость к морю. Говорят, что продолжительное пребывание в государстве иноземцев, воспитанных в иных законах, не полезно для поддержания (15) в нем благозакония, равно как не полезно для него и многолюдство; оно получается

⁶⁴ Одно из обещаний в “Политике”, оставшихся невыполненными.

вследствие того, что благодаря удобствам морских сообщений в государство прибывает и проживает в нем масса торговцев из-за границы, а это обстоятельство стоит в противоречии с хорошим управлением. [с.599]

4. Но если не считаться с указанными неудобствами, то совершенно очевидно, что сообщение города и всей территории государства с морем дает большое преимущество (20) и для обеспечения безопасности государства, и для обильного снабжения его всем необходимым. Ведь гораздо легче тем, кому приходится искать спасения, выдержать неприятельское нападение, когда можно получить помощь с обеих сторон одновременно – и с суши и с моря; равным образом нанести удар нападающим если не с обеих сторон, то хотя бы с одной (25) легче в том случае, когда для государства открыты оба пути. Точно так же удобнее для государства получать те необходимые продукты, каких у него нет, а излишек своих продуктов переправлять за границу, ведь государство должно вести торговлю в своих собственных интересах, а не в интересах других. 5. Те, (30) кто обращает себя в рынок для всех, делают это ради собственной выгоды, но тому государству, которому лет надобности стремиться к такой корысти, не следует иметь такого рода гавань. И теперь мы видим, что во многих странах и городах существуют порты и гавани, которые прекрасно расположены по отношению к городу, не составляют с ним одно целое, но и не слишком далеко от него отстоят и над которыми (35) город господствует благодаря своим стенам и иным такого же рода укреплениям. Ясно, что если из-за общения с гаванями получается какое-то благо, то это благо и остается для города; если же какой-нибудь вред, то его легко предупредить путем издания соответствующих законов, которые бы определяли и точно обозначали, кому должно быть дозволено и кому (40) запрещено вступать во взаимные сношения.

6. Что касается морской силы, то, совершенно очевидно, лучше довести ее развитие до определенного предела. (1327b) Ведь государство должно не только быть готово к самозащите, но и вселять страх и быть в состоянии помогать некоторым из соседей как на суше, так и на море. А какова должна быть численность и величина этой силы – это уже нужно сообразовать с образом жизни государства; если оно стремится главенствовать, (5) а не только жить гражданской жизнью⁶⁵, то, конечно, и морская его сила должна находиться в соответствии с этой целью его деятельности. 7. С другой стороны, вовсе нет необходимости в том, чтобы в [с.600] государстве было многочисленное население, состоящее из морской черни, во всяком случае эта последняя никоим образом не должна быть причастна к гражданским правам. Ведь морские воины набираются из (10) свободных и пехотинцев, а они играют главную роль и составляют главную силу в морском деле;

⁶⁵ В тексте *hegemonikon kai politikon*. С.А. Жебелев переводит: “желает играть руководящую в политическом отношении роль”. Союз *kai* не допускает такого понимания слов Аристотеля. В настоящем издании учтено пояснение, даваемое Иммишем в критическом аппарате.

если имеется масса переиков⁶⁶ и земледельцев, то неизбежно имеется и огромное количество моряков. Такой порядок мы находим у некоторых и в настоящее время, например хотя бы в государстве гераклетов⁶⁷, которое (15) снаряжает большое количество триер, хотя само по себе уступает по величине другим государствам.

Вот наши соображения о территории государства, его гаванях, городах, о море и о морских силах.

VI 1. О надлежащей количественной мере гражданского населения мы говорили выше; теперь скажем о (20) том, какими свойствами оно должно обладать. Об этом можно получить достаточно ясное представление, обратив внимание на знаменитые эллинские государства и на распределение различных племен по всей вселенной. Племена, обитающие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно (25) наделены умом и способностями к ремеслам. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но не способны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие же Азию в духовном отношении обладают умом и отличаются способностью к ремеслам, но им не хватает мужества; поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. Эллинский же род, занимая как бы срединное (30) место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем. 2. То же самое различие наблюдается и между отдельными (35) эллинскими племенами: у одних природа отличается односторонностью, у других имеется соединение обоих этих качеств. Ясно, что по природе должны быть разумными и мужественными те, которые в руках законодателя будут податливы в смысле восприимчивости к добродетели. То, чем, по мнению некоторых⁶⁸, должны [с.601] (40) отличаться стражи, – дружелюбие к своим и суровость по отношению к чужим, – есть мужество духа, от которого исходит дружелюбное чувство; ведь это и (1328a) есть та способность души, благодаря которой мы любим. 3. Доказательством этого служит то, что дух больше возмущается от оказываемого нам невнимания со стороны близких и друзей, нежели со стороны незнакомых. Вот почему и Архилох, упрекая своих друзей, уместно обращается к своему духу со словами: (5) “Терзаешься ты о друзьях”⁶⁹. Властвующее и свободное начало у всех людей зависит именно от этой силы: ведь дух и отличается властностью, и не переносит подчинения. Нехорошо звучит, однако, указанное выше требование, обращенное к стражам,

⁶⁶ *Переики* – свободные жители лаконских городов и сел, кроме Спарты, обладавшие гражданским, но не политическим полноправием.

⁶⁷ Т.е. в Гераклее Понтийской.

⁶⁸ См., напр., *Pl. Rp.* 375c.

⁶⁹ *Архилох* – поэт второй половины VII в. до н.э., уроженец острова Парос. *Fr.* 67 Bergk (= *fr.* 67b Diehl). В пер. В. Вересаева: “и друзья-то сами мучают тебя”.

– быть жестоким к чужим. Относиться так ни к кому не следует, (10) и люди, по природе своей великие духом, враждебно относятся только к тем, кто поступает несправедливо. Так бывает с ними еще в большей степени, как уже сказано выше, тогда, когда они чувствуют себя обиженными близкими к ним людьми. 4. И это имеет свое разумное основание: те, кто, по их мнению, должен оказывать им благодеяния, не только причиняют вред, (15) но и лишают их этих благодеяний. Поэтому и говорится: “Войны братьев тяжки”⁷⁰, “Кто любовью пылал, в том и ненависть клокочет”⁷¹.

Вот, приблизительно, каковы соображения о гражданах государства: сколько их должно быть и какими они должны отличаться природными качествами, а также сколь велика должна быть территория государства и какими свойствами она должна обладать. В теоретических (20) построениях нельзя искать той же точности, какая требуется при наблюдениях над тем, что доступно исследованию путем опыта.

VII 1. Подобно тому как в остальных, созданных природой, сложных образованиях не все то, без чего не может существовать целое, является частью этого целого, так, очевидно, нельзя считать частями государства (25) все то, что необходимо для его существования; то же приложимо и ко всякому другому общению, которое должно образовываться из однородных частей (ведь у людей, участвующих в общении, нечто непременно должно быть общим и тождественным независимо от того, будут ли они получать равные или неравные [с.602] доли; этим может быть, например, питание, или количество территории, или что-либо другое подобное). 2. Но когда один служит средством, а другой – целью, то (30) между ними нет ничего общего, за исключением только того, что один играет при этом активную, другой – пассивную роль. В таком соотношении, например, находятся всякого рода орудие и работник, с одной стороны, и производимая этим орудием и этим работником работа – с другой. Между домом и домостроителем нет ничего, что бы их связывало, но искусство домостроителя существует ради дома. Поэтому и государство должно иметь собственность, но самая собственность (35) вовсе не составляет части государства, хотя она включает и много одушевленных существ⁷². Государство же есть общение подобных друг другу людей, ради достижения возможно лучшей жизни.

3. Ввиду того что высшим благом является счастье, а счастье состоит в совершенной деятельности и применении добродетели и так как оказалось, что одни люди причастны к добродетели, другие же – в малой (40) степени или вовсе не причастны, то ясно, что именно это и повело к образованию различных видов государства и нескольких государст-

венных устройств: различным (1328b) способом и различными средствами люди создают различные виды жизни и государственного строя. Посмотрим теперь, сколько же есть того, без чего было бы невозможно существование государства; в этом необходимо и заключается то, что мы называем частями государства. 4. Итак, мы должны перечислить задачи (5) (erga) государства, и тогда вопрос станет ясным. Должно быть, прежде всего, пропитание; затем – ремесла (человеческая жизнь нуждается во многих орудиях); в-третьих, оружие (оружие необходимо для участников государственного общения как для поддержания власти против неповинующихся внутри государства, так и против внешних врагов, если они попытаются (10) нанести обиду); также известный запас денежных средств для собственных надобностей и для военных нужд; в-пятых, и это прежде всего, попечение о религиозном культе, т.е. то, что называется жречеством; в-шестых по счету, но самое необходимое – решение о том, что полезно и что справедливо в отношениях (15) граждан между собой. 5. Вот вещи, в которых нуждается всякое государство; ведь государство [с.603] представляет собой не случайное собрание людей, но, как мы утверждаем, способное к самодовлеющему существованию, а если окажется, что чего-либо из перечисленного нами не хватает, то это общение вовсе не может быть самодовлеющим. Таким образом, государство должно состоять из частей, соответствующих перечисленным (20) нами задачам. Значит, в нем должны быть налицо известное количество земледельцев, которые снабжали бы его пищей, ремесленники, военная сила, состоятельные люди, жрецы и люди, выносящие решения относительно того, что справедливо и полезно.

(25) VIII 1. Раз это установлено, остается рассмотреть, все ли должны принимать участие в отправлении всех указанных выше обязанностей государства. Ведь возможно предполагать, что одни и те же будут все и земледельцами, и ремесленниками, и членами совета, и членами суда, или что для каждой из названных обязанностей должны быть назначены отдельные лица, или что, наконец, одни из обязанностей по необходимости будут принадлежать особым лицам, другие – всей совокупности граждан. Не для всякого государственного строя возможно установить одинаковые правила. Как (30) мы уже сказали, допустимо, что будут принимать участие все во всем и не все во всем, но некоторые только в некоторых делах. Это и вносит различия в государственный строй: в демократиях все граждане участвуют во всем, в олигархиях мы видим обратное.

2. Так как мы исследуем вопрос о наилучшем государственном (35) строе, а это тот строй, при котором государство может быть наиболее счастливым, счастье же, как об этом сказано ранее, не может существовать отдельно от добродетели, то отсюда ясно, что в государстве, пользующемся прекраснейшим устройством и объединяющем в себе мужей в полном смысле справедливых, а не условно справедливых, граждане не (40) должны вести жизнь, какую ведут ремесленники или торговцы (такая жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью); гражда-

⁷⁰ Eur. fr. 975 (Nauck).

⁷¹ Отрывок из неизвестной трагедии, fr. 78 (Nauck).

⁷² Противоположного мнения придерживается автор приписываемой Аристотелю “Экономики” (I 1, 1343a10): “...полис представляет собой совокупность домов, земли и имущества, обладающую достаточными средствами для благополучной жизни”, пер. Г.А. Тароняна. (Вестник древней истории. – 1969. – № 3. – С. 218).

не проектируемого нами государства (1329a) не должны быть и землепашцами, так как они будут нуждаться в досуге и для развития добродетели, и для политической деятельности. 3. Ввиду того что остаются еще военное дело, совещание о том, что полезно, и обсуждение того, что справедливо, — а [с.604] (5) это явно главные части государства, — то возникает вопрос, должны ли быть предоставлены обе эти обязанности разным лицам или одним и тем же. Ответ и на этот вопрос ясен: в некоторых отношениях — тем же самым, в некоторых же отношениях — разным. Так как для выполнения каждой из указанных обязанностей потребны люди различного возраста и для одного дела требуется рассудительность, для другого — (10) физическая сила, то — разным; но так как, с другой стороны, немисливо, чтобы люди, имеющие возможность проявлять силу и оказывать сопротивление, постоянно мирились со своим подчиненным положением, то — одним и тем же лицам. В самом деле, ведь во власти людей, владеющих оружием, сохранить или отменить государственный строй. 4. Таким образом, остается одно — передать одним и тем же лицам обеих категорий⁷³ эти государственные обязанности, но не в одно и то же время, а в соответствии с тем, что природа (15) наградила физической силой молодых, а рассудительностью — старших, полезно и справедливо произвести соответствующим образом и распределение обязанностей между теми и другими. Такое разделение будет соответствовать их ценности.

5. И владение собственностью должно быть сосредоточено в их руках. Ведь необходимо, чтобы граждане были состоятельными, а гражданами являются (20) именно они. Ремесленники не принадлежат к гражданам, как и вообще всякий другой слой населения, деятельность которого направлена не на служение добродетели. Это очевидно из предпосылки, что быть счастливым возможно только в единении с добродетелью, а государство не может считаться счастливым, если принимается во внимание лишь какая-либо часть, а не (25) вся совокупность граждан. Ясно и то, что право собственности должно принадлежать именно этим, раз землепашцы должны быть рабами или варварами-периеками.

6. Остается из перечисленных слой жрецов. Устройство его тоже ясно. Нельзя ставить жрецом ни землепашца, (30) ни ремесленника (ведь воздавать почести божествам приличествует гражданам). Так как все гражданское население распадается на две части, т.е. на тяжеловооруженных и совещающихся, и так как надлежит, с одной стороны, отправлять религиозный [с.605] культ, а с другой — дать отдохновение тем, чей возраст освобождает от других занятий, то этим последним и следовало бы поручить исполнение жреческих обязанностей.

(35) Теперь мы уже указали те части, без которых невозможно существование государства, определили и количество частей государства; хотя землепашцы, ремесленники и всякого рода поденщики необходимо должны иметься в государстве, но соб-

ственно частями государства являются тяжеловооруженные и совещающиеся; и каждая из этих частей отличается от другой, причем в одном отношении есть различие в полном смысле, в другом — относительное.

(40) IX 1. По-видимому, не теперь и не недавно политическим мыслителям стала известна та истина, что государство (1329b) должно быть разделено на отдельные слои (gene) и что военный слой должен быть отделен от земледельческого. В Египте, а также на Крите такой порядок существует еще и по настоящее время, причем, как говорят, в Египте он был установлен законами (5) Сесостриса, а на Крите — Миноса. 2. Древним, по-видимому, является и установление сисситий, которые на Крите были введены в царствование Миноса, а в Италии — в еще гораздо более раннюю пору. Ученые (logioi) из тамошних жителей⁷⁴ рассказывают, что был некто Итал, царь Энотрии; по имени его энотры переименовали (10) свое название на италов, и от него же получила название Италии та береговая полоса Европы, которая тянется между Скиллетийским и Ламетийским заливами, разделяемыми расстоянием в полдня пути. 3. Передают, что этот Итал сделал энотров, которые (15) вели кочевой образ жизни, земледельцами, дал им новые законы и впервые установил сисситий; и теперь еще кое у кого из потомков Итала существуют сисситии и применяются некоторые из изданных им законов. Страну, расположенную по направлению к Тирренскому морю⁷⁵, занимали опики, которые как раньше, (20) так и теперь прозываются авсонами, а страну по направлению к Япигии и Ионийскому морю, именно так называемый Сиритис, населяли хоны; хоны же по происхождению также энотры. 4. Итак, установление сисситий ведет свое происхождение отсюда, разделение же гражданского населения государства на слои — из [с.606] (25) Египта, ведь царствование Сесостриса по времени значительно предшествует царствованию Миноса. Да и вообще нужно считаться с тем, что и остальные установления много или, лучше сказать, бесконечное число раз были придуманы в течение веков; потребность иметь то, что необходимо, разумеется, учила людей, какими средствами нужно пользоваться; когда же первые потребности были удовлетворены, то, вполне естественно, должны были возникнуть стремления придать (30) жизни благообразие и довольство. Следует думать, что так же обстояло дело и с государственными установлениями.

5. Доказательством же того, что все эти установления — древнего происхождения, служит нам Египет: египтяне считаются самым древним народом, а они всегда имели и законы, и государственный порядок. Поэтому следует, с одной стороны, использовать в достаточной степени прежде придуманное, а с другой — (35) пытаться восполнить то, что было упущено из виду.

Ранее было указано, что территория государства должна принадлежать людям, которые воору-

⁷³ С.А. Жебелев читает здесь вслед за Зуземилом amphotera вместо рукописного amphoteris (тем и другим).

⁷⁴ Имеется в виду, вероятно, историк второй половины V в. до н.э., Антиох Сиракузский.

⁷⁵ Т. е. Лаций, Кампанию и Луканию.

жаются на собственный счет и имеют право принимать участие в управлении государством; указано было ранее и то, почему земледельцы должны быть особым слоем, а также какова по размерам и по качеству должна быть государственная (40) территория. 6. Теперь прежде всего нужно сказать несколько слов о том, как она должна быть распределена, какого рода люди должны быть земледельцами, какими качествами должны они обладать: мы ведь в противоположность мнению некоторых⁷⁶ (1330a) стоим на той точке зрения, что земельная собственность не должна быть общей, но что она должна быть предоставлена на дружественных началах в общее пользование и что ни один гражданин не должен быть лишен пропитания. Все согласны в том, что сисситий в благоустроенных государствах – полезное (5) установление; почему и нам оно представляется таковым, об этом мы скажем впоследствии⁷⁷. В них должны принимать участие все граждане, хотя неимущим нелегко из своих средств делать установленные взносы и при этом еще поддерживать свое остальное домашнее хозяйство.

7. Далее, расходы на отправление религиозного культа являются общими для всего государства. [с.607] Следовательно, необходимо поделить всю территорию (10) государства на две части: одна из них должна находиться в общем пользовании, другая – в частном владении. Каждая из этих двух частей в свою очередь должна быть разделена на две: одна часть земли, находящейся в общем пользовании, должна идти на служение богам, другая – покрывать расходы на устройство сисситий. Одна доля частновладельческой земли должна (15) быть расположена на границах государства, другая – у города, чтобы у всех было два надела, по одному в каждом из обоих участков. 8. Помимо того что таким образом будут соблюдены равенство и справедливость, создалось бы и большее единодушие в случае войн с соседями. В самом деле, где не придерживаются указанного порядка, одни смотрят равнодушно на неприязненные (20) отношения с соседями, а другие проявляют слишком большую, даже безобразную (*para to kalon*) заботу об этом. Поэтому у некоторых и существует закон, не позволяющий пограничным жителям принимать участие в обсуждении вопроса о войнах с их соседями, так как они, руководясь собственными интересами, не в состоянии подать правильный совет.

Итак, государственная территория по изложенным (25) причинам должна быть поделена указанным выше образом.

9. Если говорить о желательном порядке, то лучше всего, чтобы землепашцы были рабами. Они, однако, не должны принадлежать к одной народности (*homorhylon*) и не должны обладать горячим темпераментом; именно при таких условиях они окажутся полезными для работы и нечего будет опасаться с их стороны каких-либо попыток к возмущению. Затем, на втором месте, они могут быть варварами-периеками, (30) отличающимися теми же при-

родными качествами. Из них проживающие на частновладельческой земле должны принадлежать частным владельцам, а те, которые живут на общей земле, должны быть общими. Как следует пользоваться рабами и почему правильнее всем рабам в виде награды подавать надежду на свободу, об этом мы скажем впоследствии⁷⁸.

Х 1. Выше было указано на то, что город должен (35) быть возможно теснее связан с материком и с морем, а равно и со всей государственной территорией. Если [с.608] же рассматривать местоположение города само по себе⁷⁹, то для того, чтобы оно соответствовало наилучшим пожеланиям, следует обратить внимание на четыре обстоятельства. Прежде всего, и это самое главное, здоровье. А именно, города, обращенные к востоку (40) и в сторону восточных ветров, являются более здоровыми; за ними следуют города, защищенные от северных (1330b) ветров, – в них зимы мягче. 2. Из прочих условий нужно иметь в виду то, что благоприятно для внутренней политической деятельности и для военного времени. На случай военных действий город должен давать гражданам удобный выход, для неприятелей же быть труднодоступным и труднообложимым. Водой и источниками город должен быть снабжен в возможно (5) большем количестве; в противном случае это должно быть возмещено устройством многочисленных и больших цистерн для сохранения дождевой воды, так чтобы никогда в ней не было недостатка на случай, если бы граждане оказались из-за войны отрезанными от своей территории.

3. Так как следует заботиться о здоровье жителей, (10) а это связано с соответствующим местоположением города, то на втором плане будет задача устроить в городе здоровое водоснабжение; выполнение этой задачи заслуживает серьезного внимания. Ведь то, что мы употребляем для наших физических потребностей в очень большом количестве и весьма часто, оказывает огромное влияние на наше здоровье, а вода и состояние (15) воздуха относятся именно к этому. Поэтому если в городах, которые проявляют предусмотрительность, окажется, что не вся вода, протекающая в них, одинакового для здоровья качества или если источников в них будет мало, нужно отделять питьевую воду от воды, служащей для остальных потребностей.

4. Что касается укрепленных мест в городе, то польза от них не одинакова для всех видов государственного строя. Например, акрополь подходит для олигархии (20) и монархии, одинаковая укрепленность⁸⁰ всех частей – для демократии, для ари-

⁷⁸ Обещание не выполнено. Но ср. Оес. I 5, 1344b 3–5, 15: “И подобно тому как все остальные, когда не достается лучшим лучшее и не воздается по заслугам добродетели и пороку, становятся хуже, так и рабы... Нужно, чтобы для всех была установлена и конечная цель; справедливо и полезно, чтобы наградой была свобода. Они работают охотно, когда назначена награда и определенный срок”, пер. Г.А. Тароняна (Вестник древней истории. – 1969. – № 3. – С. 220).

⁷⁹ Сохраняем рукописное чтение *pros ayten* вместо предлагаемых Иммишем и С.А. Жебелевым конъектур.

⁸⁰ Так переводит слово *homalotes* и Зуземиль. Бартелими Сонт-Илер и Джоуэтт переводят: “равнина”.

⁷⁶ Имеется в виду главным образом Платон.

⁷⁷ Это обещание по существу осталось невыполненным.

стократии же ни то ни другое, но скорее несколько укрепленных мест.

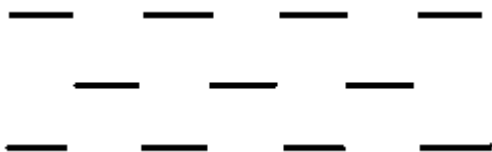
Расположение частных домов считается более красивым и более полезным для житейского обихода тогда, когда улицы идут прямо, по новейшему, т.е. по Гипподамову, способу. Для безопасности же в военном [с.609] (25) отношении – наоборот, как было в старое время: эта распланировка была такой, что при ней чужие войска с трудом могли найти выход, а врывающимся в город трудно было в нем ориентироваться. 5. Поэтому нужно, чтобы город сочетал в себе ту и другую планировку (а это возможно, если при устройстве его поступать так же, как поступают сельские жители при посадке виноградных лоз, располагая их так называемыми перекрестными (30) рядами⁸¹). Правильную распланировку не следует придавать всему городу, а лишь отдельным частям и местам. Это будет хорошо в смысле безопасности и красоты.

Что касается городских стен, то отрицающие их надобность для тех городов, которые хвалятся доблестью жителей, судят слишком уж по старинному, несмотря на то что видят, как такого рода хвастливые притязания (35) городов опровергаются действительностью.

6. Конечно, когда имеешь дело с неприятелем одинаковой с тобою храбрости или немного превосходящим тебя в численном отношении, неблагоприятно пытаться защищаться за укрепленными стенами. Но так как приходится и допустимо иметь дело с нападающими, которые своим количеством подавляют и обычную (40) человеческую, и свойственную немногим доблесть, то, раз дело в спасении жизни, избавлении от бедствий и (1331a) надругательства, следует считать безопасные крепкие стены наиболее нужными во время войны, особенно ввиду того что теперь достигнуты такие успехи в изобретении металлических снарядов и осадных машин⁸².

7. Требование не окружать города стенами равносильно тому, как если бы кто-нибудь стал искать местность, удобную для неприятельских вторжений, и (5) приказал бы снести все гористые места или запретил бы и частные жилища окружать стенами, так как при наличии их обитатели этих жилищ тоже окажутся трусами. Сверх того, следует считаться и с тем, что если город окружен стенами, то можно пользоваться им и так и иначе, т.е. как имеющим стены и как их (10) не имеющим, что исключается в том случае, если стен у города нет. 8. А если так, то

⁸¹ Комментаторы так изображают это расположение:

⁸² Аристотель имеет в виду изобретение катапульт в Сиракузах при Дионисии Старшем.

следует не только окружать город стенами, но и заботиться об их исправности: это и поведет к достойному украшению города и послужит для его защиты во время войны как [с.610] против иных способов осады городов, так и против изобретенных в настоящее время. Подобно тому как нападающие (15) заботятся о способах достижения успеха, так и у тех, кто защищается, одни средства уже найдены, а другие следует изыскивать и изобретать. Ведь на тех, кто хорошо подготовлен, вообще не решаются нападать. Так как все граждане должны быть разделены (20) на известные группы для сисситий и так как, с другой стороны, придется снабдить стены в удобных для того местах караульными помещениями и сторожевыми башнями, то сама собой напрашивается необходимость устроить некоторые из сисситий именно в этих помещениях.

XI 1. Это можно устроить именно таким образом. (25) Здания же, предназначенные для культа, и здания для сисситий главнейших должностных лиц удобно объединить в одном и том же приспособленном для этого месте, если только это не те святыни, для которых либо закон, либо какое-нибудь предписание оракула требует обособленного положения. Самое место должно иметь вид, соответствующий его высокому назначению, (30) и быть более укрепленным сравнительно с соседними частями города. 2. Ниже этого места надлежит устроить такого рода площадь, которая в Фессалии именуется “свободной площадью”. Эта площадь должна быть чиста от всякого рода товаров, и ни ремесленники, ни землепашцы, ни кто-либо иной из подобного рода людей (35) не имеет права ступать на нее, если его не вызывают должностные лица. Указанное место выиграло бы в красоте, если бы оказалось возможным расположить в нем и гимнасии для старших, ведь следует и эти здания, придающие красоту городу, распределять сообразно с возрастами, причем при гимнасиях молодых должны находиться какие-нибудь должностные лица, а старшие должны быть поблизости от должностных (40) лиц. Пребывание на глазах у должностных лиц особенно внушает истинный стыд и страх, свойственный (1331b) свободным людям.

Торговая площадь должна быть отделена от этой площади и расположена отдельно; для нее нужно выбрать место, к которому был бы удобный подвоз для всякого рода товаров, доставляемых морским и сухопутным путем. [с.611]

3. Так как стоящие во главе государства делаются (5) на жрецов и должностных лиц, то и помещения для сисситий жрецов должны быть расположены вблизи священных зданий. Присутственные места для тех должностных лиц, которые ведают заключением договоров, возбуждением судебных дел, вызовом обвиняемых и другими подобного рода делами, также агораномией (10) и так называемой астиномией, должны устраиваться вблизи площади, в каком-нибудь оживленном месте, а такое место – на площади для повседневных дел⁸³: ведь та, верхняя, площадь предназначается, по нашему проекту, для досуга, а эта – для деловых потребностей.

⁸³ Т.е. на рыночной площади.

4. Указанные правила следует применять и по отношению к государственной территории: и там в целях (15) необходимого надзора для должностных лиц, которые называются у одних гилорами, у других агрономами, должны быть устроены караульные помещения и сисситии. По государственной территории должны быть распределены также и святыни, одни – посвященные богам, другие – героям. Однако было бы утомительно долго останавливаться на этом и говорить (20) обо всем подробно. Все это нетрудно придумать, но труднее выполнить на деле: слова – результат благих пожеланий, их осуществление – дело удачи. Поэтому мы и отказываемся теперь от дальнейшего обсуждения таких вопросов.

...